

Темная Тень

DD
HORROR

ШОН ХАТСОН

Шон Хатсон
Темная тень
Серия «HORROR (ЦП)»
Серия «Шон Дойл», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74667756

*Темная тень:
ISBN 978-5-9524-6748-4*

Аннотация

Являясь членом контртеррористического подразделения, Шон Дойл думал, что видел все. Но ему предстоит обнаружить, что в этом мире есть вещи гораздо хуже. Выслеживая группу террористов, Дойл с напарником должен выяснить, кто и почему финансирует этих людей. То, что он обнаружит, выходит за рамки даже его опыта. След ведет не просто через границы Ирландии и Британию, но и во Францию, где чудовищные деяния убийцы, умершего аж четыреста лет назад, до сих пор отбрасывают ужасающую тень. В старинных витражах хранится секрет, который искали многие. Секрет бессмертия. И есть человек, который не остановится ни перед чем, чтобы его получить.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	38
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	57
Глава 12	64
Глава 13	69
Глава 14	73
Глава 15	78
Глава 16	84
Глава 17	91
Глава 18	95
Глава 19	103
Глава 20	108
Глава 21	111

Часть вторая	116
Глава 22	116
Глава 23	121
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Шон Хатсон

Темная тень

То, что меня не убьет, сделает меня сильнее.

Нищие

Copyright © 1991 by Shaun Hutson

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,
2026

Пролог

Кромешная тьма.

Чернота, густая и непроницаемая, в которой он плыл. Мрак заполнил поры его кожи, и свет исчез, словно он лишился глаз.

Но ему было хорошо во мраке.

Он ждал опять прихода экстаза, порой невыносимого.

Невозможность видеть обострила его чувства.

У него стал тоньше нюх. Он чувствовал острый и сладкий аромат.

Запах меди, который он всегда любил.

Его уши слышали лучше, чем обыкновенно, различая звуки, сливавшиеся в хор.

Его вздохи и стон удовольствия смешивались с громкими криками.

Криками боли.

Он улыбнулся, проведя пальцами по лицу и притронувшись к нижней губе.

Он почувствовал кровь на губах и слизнул ее.

Несмотря на холод внутри, его тело горело, и он усмехнулся при мысли, что, если бы излучаемое им тепло превратилось в свет, он бы сиял, как солнце.

Но света не было.

Только милая его сердцу темнота.

Не менее милая, чем то, что находилось рядом с ним. Он провел по нему рукой.

Он был близок к экстазу.

У него заклокотало в глотке, когда он снова дотронулся рукой до предмета, лежавшего рядом с ним.

Наконец он поднял его. Осторожно, не делая резких движений.

Запах усилился, когда он поднес это к лицу, ощупывая пальцами.

На ощупь оно было как из бархата.

Он улыбнулся, зная, что удовольствие продлится еще долго.

За ним не придут до утра, и до этого он мог предаваться любимому занятию.

До следующего раза.

Он с отвращением передернул плечами и приблизил предмет к самому лицу, чувствуя, как что-то течет по руке.

Жидкость капала с локтя на обнаженное бедро.

Он приоткрыл рот и провел языком по губам.

Попробовал. Понюхал. Услышал.

Далекие крики.

Капли.

Его язык касался губ.

Губы были теплыми.

Несмотря на то, что голова была отрублена больше часа назад.

Часть первая

*Никто, пока дышит, не стремится к смерти.
Альфред Теннисон*

*За плату я сделаю все, но не спущу курок. Для
этого мне понадобится более серьезная причина.
Куинсриг*

Глава 1

Стормонт, Северная Ирландия

Они убьют его.

У Криса Ньютона не было сомнения на этот счет.

Ему будет крышка.

Если он лажанется, то его точно убьют. Он вставил каскету с чистой пленкой в «Никон», висевший у него на шее, потом – в который раз! – проверил два других фотоаппарата и, наконец, третий, громоздящийся на треноге. Отрегулировав телескопический объектив, он поймал в видоискателе здание парламента и навел на резкость, отдавая себе отчет, что за истекшие пятнадцать минут проделывает все это в десятый раз. У него дрожали руки, и вовсе не от одного лишь студеного ветра, гулявшего по огромной лужайке перед парламентом. Он нервничал... Да нет, это мягко сказано. Он го-

тов был наложить в штаны от страха.

С объективов сняты крышки. Все? Все. Как с экспозицией, порядок? Правильно ли установлена выдержка?

Проверить.

Проверить.

Он чувствовал себя, словно какой-нибудь чертов астронавт, делавший последние приготовления перед тем, как его зашвырнут в космос. И тут ему опять пришло в голову, что если у него не появится фотографии, то единственным местом, где его не достанут боссы, будет разве что космос.

Издатели «Мейл», исходя из результатов его работы за последние семь месяцев, нашли его годным для этого задания. Он справлялся с любым материалом – от футбольных матчей до благотворительных вечеринок, – и это производило на них впечатление, причем такое сильное, что они решили командировать его именно сюда.

Ньютон старался убедить себя, что люди вокруг нервничают не меньше. Многие курили, один прихлебывал что-то из фляжки, прицепленной к поясу. Ньютон тоже был бы не прочь промочить себе горло, чтобы немного успокоиться. Участников переговоров ждали с минуты на минуту. Они могли появиться в любой момент.

Ньютон посмотрел на часы.

Рядом с ним устроилась бригада киношников; один из них постукивал головку своего микрофона, жалуясь, что он не работает. Оператор ворочал свою камеру, словно пулемет,

вода объективом взад-вперед по толпе. Время от времени он останавливался, чтобы стереть с лица капельки дождя. Небо хмурилось, угрожая ненастьем. Вообще-то такая погода держалась уже третий день – с тех самых пор, как Ньютон прилетел в Северную Ирландию. А Белфаст с его вечным дождичком напоминал Манчестер, только по улицам Манчестера не шастают британские военные патрули. Во всяком случае, пока, подумал Ньютон.

Прямо перед ним стояли солдаты вперемешку с ольстерскими полицейскими – этакая нелепая мозаика из униформ на задворках Стормонта.

– Ты готов?

Ньютон вздрогнул и оглянулся на Джулию Уэбб. Она прилетела вместе с ним и все время напоминала (будто он в этом нуждался) о том, как важно сделать хорошие снимки. Переговоры в Стормонте были самой важной из подобного рода встреч в истории шести графств: представлялась последняя возможность покончить с кровавой междоусобицей, раздиравшей страну на части вот уже более четырехсот лет. Сейчас в здании парламента велись переговоры между членами британского кабинета и ирландского правительства, ольстерскими юнионистами и – о господи! – представителями от «Шинн Фейн». Встреча всех противоборствующих сторон, еще год назад казавшаяся невозможной.

И однако же именно это происходило сейчас там, за закрытыми дверями, и командированный сюда Крис Ньютон

должен был запечатлеть все на пленку и не воротить рыло, не то издатели «Мейл» его прикончат. Это уж как пить дать.

Переминаясь с ноги на ногу и хрустя гравием, Джулия пыталась ускорить бег крови по венам.

— Скоро выходят, — сказала она, делая глоток из пластикового стаканчика. Фляжка-термос висела у нее на груди, словно младенец. Она налила еще дымящегося кофе и предложила Ньютону, но он отрицательно покачал головой и стал дуть себе на пальцы, стараясь хоть немного согреться и унять дрожь в руках.

Со стороны Пентакса донеслась короткая очередь.

Слева корреспондент одной из крупных передач теленовостей записывал для себя точное время и место действия. Кончив писать, он повернулся в сторону парламента и что-то пробурчал себе под нос, прежде чем снова взглянуть на часы.

Солдаты и агенты из службы безопасности внимательно наблюдали за происходящим, не спуская глаз с толпы газетчиков. И военные, и охрана выглядели весьма внушительно, Ньютон не мог припомнить, когда еще ему приходилось их видеть вот так, во всей красе. По слухам, кроме солдат и сотрудников Королевской полиции, здесь было также много людей из секретной службы, растворившихся в толпе. Каждый из стоящих рядом может оказаться переодетым парнем из «безопасности», размышлял Ньютон, глядя по сторонам.

Его самого дважды проверяли, прежде чем пропустить

через контроль. Очевидно, фотография на удостоверении представителя прессы еще не доказывала того, что именно он и является обладателем именно этой вот физиономии. В какой-то ужасный момент Ньютон уж было решил, что его вообще не пропустят, но охрана в конце концов смилилась и дала ему пройти.

Он по-прежнему потирал руки, оглядываясь. Неудивительно, что переговоры вызвали такой интерес у прессы. Ньютон спрашивал себя, остался ли вообще кто-нибудь на Флит-стрит. Казалось, все собрались здесь, тоже желая стать частью исторического события, не важно, касалось это всех вообще или нет. Присутствовали телевизионщики аж из самой Японии, но им-то какое дело до всего происходящего, Ньютон не мог понять. Наверное, это шпионы «Никона», проверяют продукцию своей фирмы в деле, подумал он.

Дождик зарядил сильнее, и многие из собравшихся задрали голову, глядя на свинцовые тучи и отпуская нелестные замечания насчет погоды в этом краю.

Ньютон достал из кармана плаща бейсболку и натянул на голову, и в ту же секунду кто-то налетел на его камеру. Он нагнулся к ней, проверяя, все ли в порядке.

– Осторожнее, – раздраженно прошипел он, бросив на обидчика свирепый взгляд.

Тот встретил взгляд Ньютона, не моргнув, почти вызывающе. Какой-то коренастый тип, которому давно уже пора бы побриться. Остановившись, он долго смотрел на Ньютона,

прежде чем смешаться с толпой.

– Вот гад, – пробурчал фотокорреспондент, убедившись, что тот скрылся с глаз. Потом стал смотреть в видоискатель, словно снайпер, изучающий свою жертву.

И первым увидел, как распахнулись парадные двери.

– Боже! – пробормотал он, заметив вооруженных телохранителей, выросших словно из-под земли перед идущим впереди человеком.

И тогда продрогшая, промокшая насквозь и удрученная долгим ожиданием толпа увидела наконец то, ради чего она сюда пришла, прилетела и приехала. Непогода и отвратительное настроение были мигом позабыты.

Политиков появлялось все больше и больше, некоторые из них шутили про погоду, другие говорили, что было бы разумнее подождать внутри, пока не кончится дождь. Затворы сотен фотоаппаратов трещали сухими очередями, их залпы раздавались почти в унисон. Репортеры пытались пробиться вперед, но шеренги секьюрити оттеснили их, и теперь все выжидали, видя, что политики все равно направляются в их сторону, стараясь по возможности не сходить с тропинок, выходящих в мокрой траве.

Ньютон, щелкавший так, как будто от этого зависела его жизнь, увидел премьер-министра Ирландии, идущего бок о бок с двумя юнионистами из МП. За ними шагал министр иностранных дел Великобритании в сопровождении двух телохранителей и переговаривался с членом «Шинн Фейн».

Ньютон в изумлении покачал головой. Политики подходили все ближе, как бы концентрируясь – в угоду орде газетчиков. Теперь репортеры стали скороговоркой выстреливать вопросы, соревнуясь в быстроте с затворами фотоаппаратов. Одноглазые циклопы-телекамеры взирали на это сборище, в то время как вопросы сыпались дождем, а репортеры протягивали вперед свои микрофоны, чтобы записать ответы на пленку.

– Продвинулись ли вы вперед в результате переговоров?

– Можно ли надеяться, что урегулирование конфликта будет достигнуто до окончания недели?

– Что означают переговоры в судьбе Северной и Южной Ирландии?

– Скоро ли будут отведены войска?..

Ньютон продолжал снимать, радуясь, что успевает сделать снимки с разных точек, что ловит в кадре все лица. Он перестал нервничать. Сейчас он делал именно то, что умел делать лучше всего.

Снимая то камерой на штативе, то щелкая фотоаппаратами, болтавшимися у него на шее, он быстро и умело менял кассеты с пленкой, не желая пропустить ни одного важного момента, не упустить шанс сделать – кто знает? – исторический снимок. Вопросы продолжали раздаваться отовсюду, ответы же были уклончивые, а то и удручающие и подчас не совсем понятные. Ньютон и сам думал, что саммита и четырех дней переговоров явно недостаточно для того, чтобы

вылечить болезнь, так долго терзавшую страну, но если Ольстер был открытой раной, то встреча предполагала, по крайней мере, эту рану почистить и зашить. На лечение же нужно времени намного больше. Он приготовился еще раз снять собравшихся в группу политиков, когда его чуть не сшибли с ног. Рассерженный, он обернулся.

– Какого хрена!.. – рявкнул Ньютон и увидел, что его толкнул все тот же небритый тип, чуть не опрокинувший до этого фотокамеру. – Осторожней, приятель, – проворчал Ньютон. – Мы ведь все здесь в одной лодке.

Небритый ничего не ответил. Его глаза были устремлены на политиков, окруженных со всех сторон репортерами, которых, однако, охрана держала на почтительном расстоянии.

Может, это один из переодетых агентов секретной службы, подумал Ньютон, и его дело – смешаться с толпой и предотвратить любую возможность нападения.

Тут небритый потянул из-за ворота что-то, сначала показавшееся Ньютону фотоаппаратом.

Но это была пушка, которую тот достал из-под пальто.

Глава 2

Не успел револьвер появиться из-за складок одежды, как Ньютон услышал оглушительный звук выстрела. Он бросился на землю, закрывая руками голову, но в его ушах еще не утих звон, когда, оглянувшись, он увидел небритого, лежавшего на спине совсем рядом, со здоровенной дыркой во лбу. Над ним стояли несколько мужчин, каждый с пистолетом в руке, и Ньютон заметил струйку дыма, поднимавшегося из дула одного из них.

Если небритый был наемным убийцей, то его, судя по всему, застрелили прежде, чем он успел выполнить свою задачу. Агенты секретной службы в одинаковых неприметных костюмах шарили по его карманам, не обращая внимания на кровь, все еще бившую струей из раны.

Удивляясь их сноровке, Ньютон облегченно вздохнул и стал подниматься на ноги, но загремевшие за спиной выстрелы вновь повергли его на землю. Справа еще один человек наступал в сторону политиков, сжав в руках автомат «скорпион». Он водил им туда-сюда, стреляя поверх голов репортеров и шеренгой секьюрити.

Справа бежал еще один, тоже вооруженный «скорпионом».

И еще один.

Ньютон лежал, вжавшись в землю, в ушах у него звенело

от несмолкаемого треска очередей. «Как, черт возьми, они пронесли сюда оружие?!»

По мере того как все больше пуль осыпали собравшуюся толпу, Ньютон видел людей, падавших, хватавшихся за раны. Отовсюду раздавались крики ужаса. Удивленные восклицания. Вопли отчаяния.

Он видел одного юниониста в тот момент, когда его подстрелили. Пуля разворотила ему грудную клетку, прежде чем вылететь из спины. Какой-то шиннфейнер нырнул в сторону в поисках укрытия, заорав от боли, когда пуля оторвала ему два пальца, разметав по воздуху окровавленные клочья. Он покатился по траве, и третья пуля снесла половину его лица.

Солдаты старались оттеснить политиков назад, под сомнительную защиту здания. И вряд ли кто-то из них заставил долго себя упрасивать. Те пули, что не находили цель, врезались в гравий дорожек, отлетали рикошетом от статуй, украшавших прихотливый сад, выбивая из них гейзеры каменной пыли. Лязг отработанных гильз смешивался с грохотом выстрелов и воплями тех, в кого эти выстрелы были направлены.

Подстрелили еще одного нападавшего, но он успел попасть в стрелявшего в него агента спецслужбы. Оба рухнули на землю. Двое оставшихся террористов продолжали поливать огнем удиравших во все лопатки участников встречи, готовые всадить пулю в любой движущийся объект. Пытаясь

проползти к близкой ограде сада, Ньютон случайно оглянулся и увидел больше десятка тел, лежавших без движения на лугу. В конце концов он достиг ограды и спрятался за нее, пыхтя, как ломовая лошадь, весь промокший от пота и дождя, льющего уже во всю силу.

Воняло порохом. Клубы сизого дыма висели в воздухе над террористами и охранниками. Облака этого зловещего тумана густели и росли по мере того, как продолжалась стрельба.

Человек из Королевской полиции, раненный в шею, упал на траву, из раны фонтаном била кровь. Один из его коллег кричал что-то в переговорное устройство, закрывая своим телом представителя ирландского кабинета. Их обоих снес один залп. Рация упала в двух шагах от своего хозяина, изрешеченного пулями.

Кому-то удалось добраться до здания парламента, туда бежали одной толпой политики и газетчики. Ньютон отыскал глазами Джулию Уэбб. Ее лицо было залито слезами, она обхватила себя руками, будто это могло хоть как-нибудь помочь. Корчась под градом пуль, она кричала от ужаса, когда вокруг нее, взметая фонтаны гравия, девятимиллиметровые штуковины покрывали землю дурацким узором.

А потом одна попала в нее. Пуля раздробила правое запястье и прошла сквозь верхнюю часть черепа. Ньютон смотрел, как она бессмысленно дернулась и затихла, подобно многим вокруг.

Грохот выстрелов не стихал, затворы выплевывали на зем-

лю град раскаленных гильз. Дула извергали огонь, автоматы избавлялись от своего смертоносного груза, прорубая кровавые просеки в бегущей толпе.

Еще один агент секретной службы был отброшен попавшей в него пулей и остался корчиться на мокрой траве, окрашивая ее в алый цвет. И тогда Ньютон услышал еще один звук – громкое завывание, в котором он узнал полицейскую сирену: две машины мчались к месту побоища, начавшегося всего секунд сорок назад. Ньютону казалось, что с тех пор прошла целая вечность.

Одновременно с полицейскими появился и еще какой-то автомобиль, водитель его сгорбился за рулем, мчась к лугу.

Один из террористов что-то закричал своему товарищу, кивнув сначала туда, откуда несло завывание сирен, а затем в сторону появившейся машины. Тот сменил магазин своего «скорпиона» и повернул дуло навстречу налетавшим полицейским, скаля зубы и нажимая на спуск. Секундой позже он скривился от боли – кто-то из агентов секретной службы попал ему в плечо.

Очередь попала в первую полицейскую машину, и ветровое стекло рухнуло на голову водителя и его напарника. Автомобиль слетел с дороги и вспахал широкую борозду на одной из ухоженных стормонтских лужаек. Вторая полицейская машина приближалась, не сбавляя скорости.

Так же, как и неизвестный автомобиль.

В тот момент, когда казалось, что обе машины столкнутся

и раздавят стоявших между ними людей, Ньютон вспомнил про фотоаппарат, болтавшийся у него на шее. Он вцепился в «Никон», прильнув к глазку видоискателя, держа на прицеле обоих террористов, метившихся в своих жертв.

Он щелкнул раз десять, прежде чем один из них, высокий, заметил его.

Время остановилось, на какую-то мучительную секунду все словно замерло. Высокий медленно поворачивался к нему, ухмыляясь, словно собираясь позировать. Потом выстрелил.

Две первые пули не попали в Ньютона. Третий выстрел оказался более точен.

Пуля, выпущенная из МП-5, угодила прямо в фотоаппарат, пробила линзы и разнесла его вдребезги, прежде чем вонзилась в голову Ньютона. Мгновение ему казалось, что к его лбу приложили раскаленное железо, причинившее адскую боль, а потом пуля, продырявив лобную кость, прошла ему голову и вылетела сзади, сопровождаемая мельчайшими кусочками мозга и раздробленной кости. Крис подскочил и тяжело рухнул на землю, все еще сжимая в руках обломки фотоаппарата. Из разбитого черепа хлестала кровь, тело дергалось в конвульсиях, пока окончательно не рассталось с жизнью.

Синий автомобиль подъехал к тем двоим. Из-под колес летели тучи гравия, когда водитель разворачивался на полном ходу и, высунувшись в окошко, орал, предлагая им

немедленно лезть внутрь. Высокий бросился на сиденье рядом с водителем, но его приятелю повезло меньше. Пораженный пулей в самое темечко, он грохнулся на гравий, а «граната» рванулась прочь.

Полицейская машина Королевской полиции неслась ей наперерез, один из сидевших в ней стрелял, высунувшись из окна. Высокий схватил «скорпион» в одну руку и начал ответную пальбу, с улыбкой наблюдая за тем, как пули дырявят машину. Одна пробила ветровое стекло и попала водителю прямо в лицо. Мгновенно выйдя из-под контроля, автомобиль вылетел с дороги, проломил ограду и потащил кусок ее за собой, как хвост. Человек, сидевший за рулем «гранаты», попытался избежать столкновения, но все же зацепил полицейскую машину, ударив в задний бампер. Оставшийся в живых полицейский выбрался из нее и поднял оружие, готовясь выстрелить вслед убегающим террористам. Очередь из МП-5 скосила его и изрешетила бок машины. Одна пуля пробила топливный бак.

Грохнул взрыв, и полицейская машина исчезла в облаке желто-оранжевого пламени. Обломки шасси разлетелись, как шрапнель. Черный дым поднимался вверх, принимая форму гриба и темнея на фоне свинцовых туч, проливавших слезы над этим побоищем.

Пылающие обломки падали на землю, усеянную мертвыми и умирающими, и теми, кто был еще слишком напуган, чтобы двинуться с места. Крики боли смешались с ревом ог-

ня, бушевавшего над остовом взорванной машины. Оставшиеся в живых ползали между телами, не обращая внимания на поливающий их сверху дождь и пачкающую снизу кровь. Телекамера, оператор которой недвижимо лежал с дырой в спине, все еще продолжала работать, запечатляя на пленку весь этот погром, пока кто-то случайно не налетел на нее и не повалил на землю.

Вновь слышались звуки сирен, усиливая царившую какофонию. Крики боли, гул пламени, стоны...

«Гранада» давно уже скрылась из виду.

Глава 3

Даже при ярком дневном свете церковь выглядела угрюмо.

Колокольня была устремлена в небо, словно указующий перст. В синеве сверкало солнце, легкое белое облачко медленно ползло по небесной лазури. Легкий бриз шуршал в траве около церкви и на окрестных холмах.

Но вместо того чтобы гордо вознестись над местностью, здание, казалось, тяготело к земле, в долине, словно скрывая что-то от посторонних глаз под своими обветшалыми сводами. Пряталось, вместо того чтобы красоваться в солнечных лучах.

Дом Божий, заброшенный людьми и покинутый Богом.

Церковь была древняя, и время не пощадило ее. Каменная кладка расшаталась и крошилась, местами готовая вот-вот обвалиться. Непогода десятилетиями разрушала колокольню, в которой уже лет сто не было даже колокола. Куда он подевался, никто не знал, и знать не хотел.

Ближайшая деревня находилась в пяти милях отсюда, в стороне от ползущей по бретонской земле старой дороги, рядом с которой была выстроена церковь. На ее карнизах не вили гнезд птицы, и даже крысы оставили эту каменную коробку.

Ни человек, ни зверь, ни Бог, кажется, не интересовались

этим местом.

Карл Брессар стоял на вершине холма, глядя вниз на церковь, и чувствовал холод, несмотря на то, что солнце било ему прямо в лицо. Он поднял глаза, словно убеждая себя в реальности ясного дня, но в это время облако набежало на солнце, отчего и долина, и старая церковь оказались в тени.

Заметив выражение лица своего приятеля, Филипп Рюлон ухмыльнулся.

– Боишься, – сказал он ехидно, глядя ему в глаза.

Карлу очень хотелось ответить, что он не из трусливых, но это было бы ложью. Ну чего здесь опасаться, думал он. Церковь стояла заброшенной с давних пор. В свои десять лет он однажды спросил о ней у родителей, и ему ответили, что церковь такая уже многие сотни лет. И объяснили ему, что по крайней мере лет двести, не меньше, она никому не нужна. Но тут же добавили, чтобы он вообще держался подальше от этого места. Мальчик спросил почему. На что получил ответ, что задает слишком много вопросов, а ему просто нужно делать то, что говорят, и все.

Мать Филиппа говорила ему то же самое, и не раз. У него не было отца. Вернее, отец-то, конечно, был, но Филипп сохранил весьма смутные воспоминания о человеке, умершем, когда ему было всего пять лет. А последующие шесть стерли из памяти образ этого мужчины, так же как время заставляет поблекнуть старую фотографию.

Сам Филипп уже видел церковь однажды, но, как и сей-

час, тогда смотрел на нее издали. И теперь, даже просто бросаая взгляды в ее сторону, чувствовал, как тело покрывается гусиной кожей. Но не мог отступить. И думал: только не сейчас. Они войдут туда. Непременно. Они проникнут в запретное место.

Возможно, просто чтобы узнать, почему оно запрещено.

Мальчики переглянулись и стали спускаться с холма в долину. Когда они побежали, Карл чуть не упал, запутавшись в высокой траве. Захихикав, они помчались вниз по склону, все убыстряя бег. А сбегав вниз, приостановились. С вершины холма церковь казалась крошечной, но сейчас, вблизи, выглядела внушительно. Потемневшие от времени стены уходили вверх, словно вырубленные из целого куска скалы, а не сложенные из камней. Здание выросло прямо из земли – порожденное ею и теперь служившее ненужной природе так же, как людям и небу. Спотыкаясь, мальчики зашагали к церкви, не сводя с нее глаз. Там, где прежде еще сохранились кое-где окна с закопченными стеклами, теперь зияли дыры – раны в камне, небрежно заколоченные досками. Гвозди поржавели и полопались, доски кое-где отстали и болтались на ветру. Одна медленно, негромко скрипя, поворачивалась под его порывами. Солнце по-прежнему жарило всю, но оба мальчика почувствовали вдруг холод, охватывавший их по мере приближения к церкви. Но ни один из них не остановился. Ни один не осмелился показать, что боится. И вообще, что может быть страшного в старом забро-

шенном здании? Карл пытался успокоить себя этой мыслью и все равно не мог унять сердцебиения.

Солнце опять ушло за облако, и на этот раз мальчики решили, что замерзнут; но это ощущение прошло, едва мир снова ожил и заиграл в полуденных лучах.

Они подошли совсем близко.

Трава у самой церкви была выше, чем везде, и им приходилось поднимать ноги, чтобы пробираться через ее густые заросли, сомкнувшиеся перед ними стеной.

Сильный порыв ветра завертел флюгер. Глухой скрежет ржавого железа, как ножом, рассек тишину. Вокруг церкви петляла посыпанная гравием дорожка, заросшая сорняками, но, по крайней мере, лучше было идти по ней, чем продираться сквозь высокую траву. Держась рядом, мальчики пошли к входу в церковь.

Огромные двустворчатые двери возвышались над ними, дерево на них местами прогнило, металлические части покрылись ржавчиной и стали похожи на сухую изъязвленную кожу. Два массивных железных кольца заменяли ручки, и Карл взялся за одно из них. Теперь оставалось только потянуть за него и войти: церковь была не заперта.

– Давай, – негромко поторопил Филипп. Вся его бравада мгновенно улетучилась.

Карл потянул – и дверь не поддавалась.

– Я знал, что будет заперто, – вздохнул он, отступив.

– Попробуй другую.

Карл пожал плечами, чувствуя, как кровь отхлынула от щек.

— Ну, давай, — прикрикнул Филипп.

— Сам открывай, — прошипел Карл, глядя на то, как его товарищ, пытаясь совладать с собой, взялся за железное кольцо обеими руками.

Дверь с сердитым скрежетом приоткрылась. Филипп отпустил кольцо, словно внезапно обжегшись. Он вытер руки о штаны. Ржавая пыль на синем выглядела как засохшая кровь.

Теперь дверь была распахнута достаточно широко для того, чтобы можно было проскользнуть внутрь. Но они стояли и смотрели на нее в ожидании чего-то, вроде сигнала, чтобы действовать дальше. Можно, конечно, было заглянуть внутрь, но там царил мрак.

Филипп первым двинулся к двери, подталкивая Карла, выбравшись, когда он уперся.

Солнце опять село, но Карл подумал, что ему холодно от страха. Назад пути не было. Он должен войти. Войти в эту пустую церковь, к которой ему и близко подходить было запрещено.

Пусто.

Он хотел что-то сказать, чтобы успокоиться.

Пусто.

Он был у самых дверей.

Пусто.

Оба мальчика прошмыгнули внутрь.

Воняло. Гниением и пылью. И запустением. Словно прошедшие годы разложили самый воздух и сгноили его. Каждый вдох давался с трудом. В горле першило, как будто от очень горького лекарства. Карлу захотелось сплюнуть.

Но еще больше его тянуло выскочить обратно. Дневной свет еле пробивался сквозь щели в заколоченных окнах, но все же было достаточно светло, чтобы видеть, куда ставишь ноги. И недостаточно для того, чтобы оглядеться и увидеть что-нибудь. Призрачный дневной свет казался чем-то невозможным и нереальным.

Вглядываясь во мрак, мальчики двинулись к проходу между рядами скамеек, прогнивших, переломанных, перевернутых, валявшихся повсюду в немыслимом беспорядке. Кое-где их кто-то прислонил к стене, и они напоминали сложенный костер, из тех, на котором в старину сжигали грешников. Шаги странным образом заглушались толстым слоем грязи и пыли, покрывающим пол ковром. Они шли, шли, оставляя на нем свои следы, и приблизились наконец к алтарю. Здесь, казалось, сам воздух был черного цвета. Стало трудно дышать.

Карл закашлялся, и звук отозвался эхом от мрачных сводов, прежде чем потонуть в безмолвной темноте.

В стене был проход, отделявший придел от нефа. Дверь туда была слегка приоткрыта...

– Ну, пошли, – негромким голосом позвал Карл.

Филипп приблизился к двери, освещенной пятнами света, падавшего из щелей ближайших окон.

– Алтарь вон там, – кивнул Филипп. – Вот где все это случилось.

– Ты иди! – Карл отчаянно трусил и уже не пытался скрыть своего страха.

Он остался на месте, наблюдая за Филиппом. Ему было уже все равно, что Филипп и его друзья будут называть его трусом, когда он вернется в деревню. Ему так не хотелось входить в эту дверь. Несмотря на то, что в церкви и пусто.

Пусто.

Посмотреть одним глазком.

Никого нет.

Филипп приготовился открыть дверь.

Подбодренный любопытством и смелостью друга, Карл подошел к нему.

И вдруг дверь неожиданно распахнулась, и луч света ударил в темноту.

И они оба увидели фигуру.

Фигуру, двигавшуюся к ним.

Глава 4

Услышав звуки, он удивился, кто бы это мог прийти сюда и прервать его работу.

А теперь Марк Чэннинг смотрел, как два мальчика с криками выбежали из церкви. Он замер на секунду, почесав в затылке, озадаченный тем, что так испугал гостей своим видом. Неужели они не заметили его машины, припаркованной снаружи у западной стены? Видимо, не заметили, решил он, глядя, как две фигурки метнулись из дверей навстречу солнечному свету. В церкви опять наступила умиротворяющая тишина. Чэннинг улыбнулся и вернулся в придел, закрыв за собой дверь.

Две лампочки, работающие от батареек, освещали помещение холодным белым светом. Чэннинг налил себе чашку чая из термоса и стал пить его маленькими глотками, глядя по сторонам. Слева пряталась в резкой тени лестница, ведущая вверх на колокольню. Справа высился алтарь. Вернее, то, что от него осталось: стершийся камень с облупленной краской, на котором Марк делал часть своих заметок. Здесь же лежали пакет сэндвичей и остатки наполовину съеденного пирога со свининой, словно дары какому-то кулинарному божеству.

Окна алтаря, как и по всей церкви, были заколочены досками. Но работу Чэннинга облегчало то, что камень вокруг

них был разбит и осыпался, давая проход дневному свету. И это было не результатом вандализма, а скорее плодом целенаправленных усилий, правда основанных на суевериях и страхе.

Чэннинг много узнал про саму церковь и ее окрестности. К этому его привело то, что он прочел и что успел написать. И вот он впервые оказался внутри, в этом здании.

Он приехал во Францию пять дней назад, из которых три провел в церкви, работая. Ему не понадобилось получать чьего-либо разрешения. Никого в близлежащих городках и деревнях ничуть не волновало, что он вознамерился проводить здесь какие-то исследования. Чэннинг даже не смог отыскать владельца земли, на которой стояла эта старая развалина, – единственное напоминание о том, что когда-то эта часть Бретани была доменом богатейшего обитателя провинции.

Правда, это было свыше четырехсот лет тому назад.

Марку дали отпуск, так что он был свободен от чтения лекций в Бальеле. Он мог отправиться куда угодно и приехал в Бретань с главным намерением увидеть церковь, о которой он до сих пор только читал. Книгу выпустило одно из крупнейших в стране издательств; Чэннинг не помнил названия этого тяжеловесного тома, но имя человека сохранилось в памяти.

Бывшим владельцем этого неприветливого, пустынного

места был Жиль де Рэ.

В XIV веке де Рэ обвинили в ритуальных убийствах более чем двухсот детей, причем большинство из них были убиты в той самой церкви, где сейчас находился Чэннинг. Церковь и близлежащие земли были частью обширных владений де Рэ под названием Машекул. У себя на родине этот человек был героем. За заслуги в войне против англичан его сделали маршалом Франции. Он был могущественнейшим и, судя по слухам, богатейшим аристократом во всей Европе. Но страсть к роскошной жизни и целая шайка нахлебников сделали его банкротом, высосав все деньги и оставив его казну пустой.

Примерно тогда герой Столетней войны обратился к алхимии. И тогда же начались убийства...

Чэннинг сделал большой глоток чаю и снова огляделся, задержав взгляд на заколоченных окнах. Тут он заметил какое-то странное поблескивание: один из острых, напоминавших рапиру лучиков света отражался от предмета, находившегося по левую руку от Чэннинга.

Историк поставил чашку и пересек придел, стараясь не заслонять собой свет. Мерцание исходило прямо из стены чуть пониже заколоченного окна. Казалось, что-то горит в самом камне.

Чэннинг достал из сумки маленькое долото и принялся изучать место вокруг мерцающего квадрата, постепенно убеждаясь в том, что солнечный луч отражался от стекла.

От цветного стекла.

Он нахмурился.

Кладка, несмотря на старость и повреждения, все еще была крепкая и не поддавалась, так что Чэннингу пришлось бить по долоту ребром ладони. Наконец ему удалось сделать трещину. Осколки камня с шорохом посыпались вниз. Чэннинг взял с алтаря киянку и, пристроившись к стене, стал бить им по долоту. Появилась еще одна трещина.

Затем отвалился большой кусок камня.

Чэннинг уже тяжело дышал, но не переставал отколупывать от стены все новые и новые куски.

И вот, наконец, он смог рассмотреть, что пряталось в каменной кладке.

Чэннинг сглотнул, тараща глаза в наступающих сумерках. Солнечный свет медленно угасал, и только горевшие лампочки давали возможность рассмотреть то, что предстало его глазам.

Чэннинг провел языком по губам, чувствуя, как сердце гулко колотится у него в груди. Он смотрел на это не мигая, и все, что он сказал за это время, были лишь два слова, потонувшие во мраке.

– Иисус Христос! – прошептал он, потрясенный.

Глава 5

Чэннинг повернул ключ трясущимися руками. Машина взревела, оживая, и историк направил ее по заросшему травой склону к дороге, которая вела в ближайшую деревню Машекул. Солнце еще не садилось, но до наступления темноты оставалось недолго. Ветер, дувший весь день, стал крепчать. Выезжая на дорогу, Чэннинг заметил, что порывы ветра уже раскачивают кроны деревьев.

Он сжимал руль влажными ладонями, чувствуя, что весь вспотел, хотя в салоне не было жарко. То, что он обнаружил в церкви, удивило его. Нет, поправился Чэннинг, он просто ошеломлен! Потрясен! Не то чтобы он не мог ожидать чего-то в этом роде, но само по себе... Зрелище того, что он оставил в церкви, все еще стояло у него перед глазами, словно живое... Он передернул плечами, злясь на себя, но ничего не мог поделать. Его профессионализм не выдержал испытания, самообладание просто дало трещину, как штукатурка на стенах в церкви. Чэннинг преодолевал повороты, не сбрасывая скорости, торопясь быстрее добраться до постоянного двора в деревне, в котором остановился. Торопясь добраться до телефона.

Он должен был сделать этот звонок.

Проезжая выселки, он все же снизил скорость и направился мимо палаток, усеявших рыночную площадь. Фермеры со

всей округи привозили сюда свои товары, и, выйдя из машины перед постоянным двором, Чэннинг слышал доносящиеся с площади голоса спорящих и торгующихся людей, смех...

Но прелести сельской жизни в этот момент волновали его меньше всего. У него появились дела поважней.

Он ворвался в прохладу гостиницы. Дородная женщина, хозяйка заведения, протянула ему ключи от номера и собиралась спросить о его самочувствии, но Чэннинга уже и след простыл.

Из десяти комнат для гостей большинство пустовало. Было тихо.

Чэннинг вошел к себе, направляясь к телефону, и поднял трубку. Стал набирать номер, пробормотав себе под нос проклятия, когда обнаружил, что позабыл международный код. Он снова завертел диск. Международный код, потом код Лондона и, наконец, нужный номер.

Рука все еще дрожала.

Он прижал трубку к уху, вслушиваясь в мешанину гудков, щелчков и свистов, пока набирался его номер. Где-то далеко на том конце провода зазвонил телефон.

– Давай, давай, – пробормотал он нетерпеливо.

– Хэлло, – ответил женский голос.

– Хэлло, Кэт, – выпалил он, но голос продолжал:

– ...Это Кэтрин Робертс. Боюсь, сейчас никого нет дома...

– Черт! – рыкнул Чэннинг, бросая трубку. Проклятый автоответчик. Он подождал секунду, потом снова набрал но-

мер и стал ждать.

Тот же металлический голос приветствовал его, и Чэннинг уже готов был бросить трубку, когда услышал щелчок, и на том конце выключили автоответчик.

– Хэлло, – сказал ответил голос.

– Это ты, Кэт? – спросил он.

– Да, кто говорит? – поинтересовалась женщина на том конце.

– Это Марк Чэннинг. Я не хочу разговаривать с этой проклятой машиной.

– Я только что вошла, – удивилась она. – Думала, ты в Бретани.

– Да. Слушай меня, Кэт. Я был в церкви Машекула, – сказал он тихо, чтобы не выдать дрожь в голосе. – И у меня тут есть кое-что. Ты должна это увидеть.

– А что это? – спросила Кэтрин заинтересованно.

– Когда ты можешь вылететь?

– Марк, ради бога, – рассмеялась она. – Я не могу все так бросить.

– Придется, – выдохнул он, и это вдруг насторожило ее. – Это важно. Это по твоей части.

– По моей? – переспросила она растерянно, немного озадаченная его нетерпеливым тоном.

– Ты же занимаешься историческим искусствоведением! – взвыл он, принужденный теперь напоминать ей о том, что является ее профессией. – Специализируешься по Средним

векам! Мне нужно, чтобы ты взглянула на то, что я нашел.
Мне нужна твоя помощь.

Глава 6

Корк, Ирландская республика

Обнаженное тело Лоры Каллахан блестело от пота. Она отвела длинные каштановые волосы от лица. По ее телу пробежала волна удовольствия, глаза закрылись в экстазе. Маленькие груди напряглись, соски отвердели. Она подождала секунду, разглядывая свой плоский живот, гладкие бедра и темный треугольник волос между ног. Лора провела по ним пальцем, дразня себя. Сжав ноги, она почувствовала влагу, покрывающую ее бедра. Она села, водя пальцем по влажному лицу, оставляя полоску на вспотевшей теплой коже, потом тронула отвердевший кончик клитора, захихикала и поползла в постель, к мужчине, который лежал на кровати, дожидаясь ее.

Он тоже был обнажен, и его вставший член поднялся над животом, когда он лег на кровать с полным стаканом, зажатый в большой ладони. Лора поцеловала ему правую ногу, забираясь на кровать. Потом, поднявшись выше, стала целовать икры, колени и бедра. Только тут она остановилась. Ее язык прикоснулся к его коже, оставив мокрую дорожку слюны.

Дэвид Каллахан улыбался, наблюдая за ней. Он сполз с подушки, медленно накрутил ее волосы на руку и потянул, пока ее рот не оказался на одной линии с его членом. Лора

прикоснулась к нему языком, и Дэвид Каллахан снова улыбнулся.

Одной рукой она начала гладить его раздутую мошонку, а другую просунула между своих ног. Лора почувствовала пальцы мужчины на своей руке, и он сунул средний палец в ее влагалище, а его большой палец поглаживал клитор, заставляя ее тихо постанывать.

Потом она взяла его член губами и держала его, целуя, пока пальцы Каллахана ласкали его с возрастающей быстротой. Затем ее рот наполнился маслянистой белой жидкостью, струя ударила ей в глотку. Она глотала так быстро, как могла, но часть белой жидкости потекла из уголков ее рта. Лора почувствовала, что сама достигает оргазма, и застонала, изгибаясь в руках Дэвида, который извлек пальцы из ее влагалища и держал перед ее лицом, пока она облизывала их, как голодный ребенок соску. Потом они громко смеялись, и она, обернувшись к нему, улыбнулась...

Экран погас, когда Дэвид Каллахан нажал кнопку «стоп».

Лежа рядом с ним на кровати, Лора Каллахан сделала глоток «Джека Дэниелса» и усмехнулась. Она пододвинулась поближе к мужу, притронувшись одной рукой к его отвердевшему члену.

– Ты была великолепна, – сказал Каллахан, ухмыляясь. – Ты заслуживаешь «Оскара».

– Не хочу «Оскара», – промурлыкала она, теребя его за шею, – хочу тебя.

Каллахан резко вошел в нее, и Лора подняла ноги, давая ему проникнуть глубже, и скрестила их у него за спиной. Его толчки становились быстрее и сильнее.

А видеокамера, установленная у изголовья, бесстрастно наблюдала за ними, запечатлевая их любовь своим единственным стеклянным глазом.

Глава 7

Каллахан прислушивался к ее дыханию в тишине спальни. Она слегка посапывала.

Он сел в постели и посмотрел, как мерно движутся груди Лоры в такт дыханию. Потом осторожно, стараясь не разбудить ее, сполз с кровати, накинул купальный халат и направился в ванную. Войдя, Каллахан щелкнул переключателем, переминаясь, пока лампы дневного света жужжали, оживая. Он повернул кран, набрал немного воды в рот, провел мокрыми руками по коротким темным волосам и стоял, уставившись на свое отражение в зеркале, весьма удовлетворенный тем, что он там видел.

Он распахнул халат, изучая свои мускулы. Каллахану было тридцать семь лет – на четыре года старше жены, – но его тело по-прежнему оставалось стройным и крепким. Каждое утро он качался в маленьком зале, который был оборудован в доме, купленном ими два года назад. И дом, и пятнадцать акров земли обошлись довольно дешево, по крайней мере, для такого человека, как Каллахан.

Он не знал, сколько у него миллионов, и не очень-то задумывался над этим. Денег и так намного больше, чем он был бы в состоянии потратить, так что не было нужды их считать и о них размышлять. О деньгах думает только тот, кому их вечно не хватает, несколько озадачился он вдруг своим умо-

заклЮчением.

Он плеснул на лицо немного воды и вытерся отворотом своего халата. Потом дернул за шнур, и ванная погрузилась в темноту. Вернувшись назад в спальню, он покосился на Лору. Она лежала, откатившись к краю постели, подтянув ноги к груди. Каллахан постоял над ней, потом подошел к окну.

Их спальня была расположена в передней части здания, и благодаря прожекторам, установленным на крыше, Каллахан видел ярдов тридцать широкой подъездной дорожки. Чуть в стороне маячили конюшни, где держали полдюжины лошадей, а справа от конюшен стояли амбары, над которыми нависало массивное западное крыло дома.

Все здание было выкрашено в белый цвет, кое-где стены покрывал густым ковром плющ. Дом смотрел в ночь дюжиной окон, словно многоглазый слепец. Лишь в одном окне горел свет – это Каллахан, прижавшись лицом к стеклу, чтобы лучше видеть, рассматривал свои владения.

Внезапно в одной из нижних комнат зажегся свет.

Каллахан посмотрел на часы, стрелки которых горели в полумраке мертвым зеленым огнем.

Три тридцать два утра. Что-то рановато для прислуги. Там никого не должно быть.

Свет погас, и Каллахан, вздохнув, протер глаза.

Свет опять вспыхнул.

Погас.

Вспыхнул.

Подойдя к кровати, Каллахан задержался, раздумывая, потом выдвинул ящик конторки. Из ящика достал «смит-и-вессон» 38-го калибра.

Он откинул барабан, проверяя, заряжен ли револьвер, потом вернулся к окну и посмотрел вниз.

Свет все еще горел в той же комнате. Каллахан сжал оружие. Оглянувшись на спящую Лору, он направился к двери.

Глава 8

В доме царила ничем не нарушаемая тишина, и единственным посторонним звуком, который мог услышать Каллахан, был шорох его собственных шагов. Дойдя до балюстрады, он свесился вниз, осматривая холл. Это было все равно что заглянуть в ад, и он подумал, не включить ли свет на лестнице, но тут же снял палец с выключателя. Покрепче сжав револьвер в руке, начал спускаться. Одна из ступенек громко скрипнула под ногой, и Каллахан чертыхнулся, замерев на секунду, а потом почти побежал.

Кто мог забраться в дом? Но это маловероятно. До ближайшей деревни пятнадцать миль, участок окружен стеной высотой двадцать футов. А сигнализация, установленная на всех окнах и дверях, а работники, следящие за порядком вне дома? Никто не смог бы проскользнуть мимо них незамеченным. Разве что кто-то уж очень смелый и хитрый. Например, взломщик.

Каллахан остановился и, сунув револьвер в карман, вытер вспотевшие ладони о халат.

Только не взломщик! А может, этому человеку не нужны его деньги и драгоценности. Может, ему нужен он сам, Каллахан. В свое время он нажил достаточно врагов по обе стороны закона и Ирландского моря, которые заплатили бы уйму денег, чтобы увидеть его труп.

Это было одной из причин, по которым он уехал из Лондона. Оставаться там стало слишком опасно. Он мог потерять многое, и в первую очередь жизнь. Каллахан помешкал, прежде чем открыть дверь в коридор. Комната, в которой горел свет, была впереди, за углом. Стены в коридоре были увешаны картинами: Матисс здесь, Дали там. Чуть дальше Гойя. Оригиналы, не имеющие цены.

Каллахан медленно шел по коридору, толстый ковер гасил его шаги, но все равно, дойдя до поворота, он почти перестал дышать. Он опять остановился. По лбу поползла капелька пота.

Стоя в темноте, он увидел полоску света, пробивающуюся из-за неплотно прикрытой двери. Каллахан сделал шаг вперед...

Свет погас.

Неужели его услышали?

Вновь появился свет.

Каллахан сжал зубы, вытащил револьвер и подошел к двери, его ладонь легла на резную ручку. Изнутри не доносилось ни звука. Разве что...

Черт, что бы это могло быть?

Он стоял, вслушиваясь, хмурия брови.

Свет снова погас.

Он стал медленно поворачивать ручку, моля Бога о том, чтобы она не скрипнула.

– Ну, ублюдок, – прошептал он.

И толкнул дверь, вскидывая револьвер.

В ту же секунду вновь зажегся свет, и он опять услышал этот звук. Какое-то прерывистое жужжание. Звук шел сверху. Над головой...

Жужжание исходило от люминесцентной лампы, которая то вспыхивала, то гасла. Она была неисправна. Эта проклятая лампа была неисправна.

Каллахан бессмысленно хихикнул и замотал головой, с шумом выпустив воздух из легких. Он начинал заводиться от того, что дал страху взять верх над собой. Иисусе, что способно сотворить с тобой собственное воображение!

Но он все же почувствовал облегчение, не увидев никого в комнате. Он был рад, что здесь никого нет.

Каллахан посмотрел на револьвер, который по-прежнему сжимал в руке, и опустил его в карман халата. На этот раз лампа, но кто знает, что будет потом? Интересно, сколько придется ждать его прихода?

Он выключил дурацкую лампу, заметив про себя, что не должен забыть приказать, чтобы утром ее починили. Потом повернулся и пошел обратно по коридору, миновал Дали, Гойю и Матисса и прошел мимо статуй. Оставил за спиной все это богатство, ради которого он должен портить себе нервы.

Закрывая дверь, он все же не удержался и посмотрел назад через плечо. Это происшествие показалось ему вдруг чем-то вроде предупреждения. Или знамения... Каллахан

знал, что они непременно придут.

Но когда это случится, он будет готов их встретить.

Глава 9

В доме на Портен-роуд в Хаммерсмите не было ничего особенного: обычная развалюха с террасой, давно нуждающаяся в ремонте.

Шон Дойл сидел в «датсуне», одна нога задрана на приборный щиток, и, рассеянно глядя из окна, завязывал длинные шнурки своих бейсбольных ботинок.

Было видно, что многие дома на этой, ранее престижной, улице куплены новыми жильцами недавно. Фронтоны отделывались камнем как бы в знак того, что в домах появились хозяева. Многие воспользовались представившейся возможностью купить здесь собственное жилье, в котором они обретались с тех пор, когда рента стоила каких-нибудь десять шиллингов в неделю, размышлял Дойл, разглядывая ряды одинаковых построек.

В окнах, выходявших на улицу, почти везде горел свет, словно обещая тепло и уют, скрытые за плотно задернутыми занавесками.

А вот в машине было не очень-то комфортно, и Дойл включил печку, массируя подъем ступни. Он спустил левую ногу и задрал вверх правую, потом включил приемник: наскучила тишина. Он покрутил ручку настройки, но нигде не было нормальной музыки – какая-то хренотень, которую в последнее время стали гнать почти все станции. По «Ра-

дио-4» шла радиопьеса, но он покрутил еще, пока не поймал кончавшуюся песню «Блэк Саббат». Впрочем, возникло столько помех, что Дойл вырубил приемник.

Ему было скучно. Уже второй час он сидел в машине, у него болела спина, и скоро должна была заболеть голова. Дойл полез в бардачок за остатками шоколадки «марс» и набил ею рот. И это за шесть часов. Сегодня в полтретьего он купил гамбургер, но теперь у него опять урчало в животе, по которому Дойл похлопал с трагическим видом. Потом он зевнул и попробовал потянуться, треща суставами, в тесном нутре машины.

Кашлянув, обвел взглядом салон и посмотрел на свое отражение в зеркале обзора. Запустил обе руки в длинные, до плеч, каштановые волосы. Лицо его выглядело довольно помятым, а под нижними веками словно кто-то помазал чернилами. Но серые глаза матово мерцали, отражая свет уличного фонаря, и вся его энергия сохранилась только в зрачках, зыркающих туда-сюда по вечерней улице.

Дойл потерял руки и засунул их в карманы кожаной куртки, откинувшись на спинку сиденья и бездумно глядя на дорогу. Тридцать лет, а ты всего-то хрен на веревочке, сказал он себе, устраиваясь поудобнее, и на его губах появилась слабая ухмылка. Старая развалина.

На всей Портен-роуд свет не горел только в доме номер 22, и из машины дом выглядел целиком погруженным во мрак. Дойл за истекшие полчаса видел троих, вошедших ту-

да. Первый приехал на побитом стареньком «капри» и припарковался на противоположной стороне улицы, но прежде чем войти, настороженно огляделся по сторонам. Еще двое других подъехали вместе минут десять назад.

Дойл посмотрел на часы. Без двадцати пяти девять.

На этой стороне улицы какой-то тип прогуливался с овчаркой, пытаясь удержать свою скотину, все время дергавшую поводок. Дойл улыбнулся, когда мужчина заругался на эльзасца, вдруг вознамерившегося перейти дорогу, а пес потащил упирающегося хозяина за собой. Человек и собака прошли мимо машины, и Дойл наблюдал за ними в боковое зеркало, когда заметил еще одну живую душу.

Это был приземистый человечек в пальто. Он бросил взгляд на собаку и ускорил шаг, когда та рванулась к нему. Дойл смотрел, как он свернул на дорожку, ведущую к дому номер 22, поднялся на крыльцо и постучал один раз. Дверь приоткрылась, и он исчез за нею.

Все в сборе, подумал Дойл, глядя на часы. Он зевнул и протер глаза, близоруко вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

– Пантера-один, ответьте.

Голос громко прозвучал внутри машины, несмотря на то что на передатчике лежала газета.

– Пантера-один, как слышите, ответьте.

Дойл убрал газету, мимоходом бросив взгляд на фотографию обнаженной по пояс красотки. Ее зовут Тина, она па-

рикмахерша. «Она сделает вам отличную завивку!» – гласил заголовок. Дойл ослабился и бросил газету на заднее сиденье.

– Пантера-один, ради всего святого...

Он взял передатчик.

– Говорит Пантера-один, – произнес он вполголоса, – не надрывайтесь, я вас и так слышу.

– Тогда почему не отвечаешь? – рявкнул металлический голос.

– Как не отвечаю? Я же говорю сейчас с вами. Какого дьявола вам надо?

– Мы на месте.

– Ну и прекрасно, – сказал Дойл, продолжая шуриться.

– Портен-роуд, Сейлон-роуд и Милосн-роуд перекрыты, – продолжал голос.

Дойл не ответил. Он увидел еще одного человека, подходившего к дверям дома номер 22.

– Дойл, я говорю...

– Я слышал. Оставайтесь на связи.

Дойл смотрел на новенького, который встал у дверей и дважды постучал, переминаясь от нетерпения с ноги на ногу. Наконец дверь открылась, и он вошел, скрывшись с глаз. Дойл переложил передатчик в левую руку, а правую запустил за отворот куртки. Резиновые лямки плечевой кобуры с автоматическим СЗ-75 шоркнули под его пальцами. В другой кобуре, прятанной под курткой на поясе, у него имелось

нечто куда существеннее – «бульдог» 44-го калибра, несмотря на малые размеры, мог проделать в стене дырку с двухсот ярдов.

– Твои люди готовы? – спросил он, уставившись на крыльцо дома.

– Я же сказал, все на месте, – нетерпеливо повторил голос из передатчика.

– Хорошо, только скажи им, пусть не путаются у меня под ногами... Пошли. Вечеринка началась.

Глава 10

Выскочив из машины, Дойл увидел людей, бегущих к дому номер 22. Некоторые из них были в униформе.

Дойл быстрее всех добрался до цели, перескочив через калитку, словно участник состязаний по бегу, рассчитывающий получить приз. Не замедляя шага, он взлетел по ступенькам и навалился на дверь. Потом шагнул назад и изо всех сил двинул по замку, ухмыльнувшись, когда дверь стала валиться внутрь, срываясь с петель. Он ворвался в прихожую вместе с двумя парнями в форме.

Внутри пахло сыростью, пылью и еще чем-то более противным. Дойл узнал запах мочи, но сейчас запахи его не волновали. До него донеслись голоса из комнаты по левую руку, и он бросился в ту сторону.

– Наверх! – раздался крик сзади.

Двое констеблей метнулись вверх по лестнице.

Сжимая в руке пистолет, Дойл пинком распахнул дверь. Из глубины дома донесся звон разбитого стекла и проклятия.

Комната, в которую вбежал Дойл, наверное, представляла собой гостиную. Всю обстановку ее составляли изодранная старая софа с одним подлокотником да деревянные стулья. И голый пол. Больше ничего.

В комнате находилось трое, и Дойл навел пистолет на того,

который стоял ближе всех к нему. Тот немедленно поднял руки, страшно побледнев.

Между тем крики усилились. Неожиданно грохнул выстрел. Дойл повернул голову на шум, и в эти считанные доли секунды один из тех троих оказался у окна.

Он вломился в окно с силой парового молота, разбив грязное стекло и деревянную раму. Во все стороны полетели блестевшие, как хрусталь, осколки. Беглец покатился по земле, вскочил и бросился к дороге.

– Не спускайте глаз с этих! – заорал Дойл и кинулся следом за убегающим.

Он перемахнул через забор и помчался за быстро удаляющейся фигурой, которая бежала, то и дело оглядываясь.

По всей Портен-роуд были распахнуты окна и убраны занавески. Удивленные лица высывались в ночь, наблюдая за разворачивающимися событиями.

Субъект, за которым гнался Дойл, был явно моложе его, но вряд ли уж очень крепок. Он обежал какую-то стоявшую на пути машину, и в этот момент Дойл коршуном бросился на него, промахнувшись всего на несколько дюймов и едва не врезавшись в бордюр. Он перекатился через плечо и вскочил на ноги, глядя вслед удирающему парню, на котором была синяя куртка и джинсы. Тот приближался к переулочку между двумя домами. Дойл последовал за ним, проскочив в деревянную калитку. Синекурточный продолжал бежать, направляясь к саду за домом. Дорогу преграждал высокий

забор, окружавший задний дворик, и синекурточный полез на него. Дойл вовремя добежал до угла дома, чтобы увидеть все это. Он на бегу сунул пистолет в кобуру, подскочил к забору и, подтянувшись на руках, перемахнул на другую сторону, приземлившись у бассейна с рыбками. Тем временем синекурточный уже легко преодолел живую изгородь и оглянулся. Он явно не ожидал увидеть своего преследователя так близко: теперь их разделяли всего какие-нибудь десять ярдов. Задышавшись, беглец рыскал в поисках выхода обратно на улицу. Только бы добежать до машины!..

Впереди маячил еще один забор, потом теплица, а за ней – чертовски высокая стена. Он перелетел через забор, чуть не упав вниз головой.

Дойл внезапно замедлил шаг. «Вот мы и пришли», – подумал он, ухмыляясь. Теперь как ты полезешь через стенку?

Он вытащил пистолет и остановился.

– Не двигаться! – заорал он, расставив ноги и наводя ствол на беглеца.

Тот обернулся, но, увидев пушку, замешкался.

– Пошел ты!.. – выкрикнул он, подбегая к теплице, уже не зная, куда ринуться, и все же почему-то уверенный в том, что англичанин не станет стрелять.

Его глаза расширились от ужаса, когда он понял свою ошибку, но слишком поздно. Дойл дважды выстрелил.

Одна пуля попала в грудь, другая пробилась шеей.

Тело синекурточного отбросило назад, как если бы он по-

лучил хорошего пинка. Он рухнул прямо на теплицу, устроив небольшой взрыв из осколков стекла, падавших дождем на него и на землю, по которой потекла кровь из порезов, смешиваясь с алой струей, бившей из раны на шее.

Дойл приблизился к расprostертому телу и взглянул на него, пнув одну из раскинутых ног. Не обращая внимания на шедший от трупа запах, Дойл сорвал помидор и принялся жевать его, глядя убитому в лицо.

Распахнулась дверь черного хода дома, и появился какой-то человек, оторопело уставившись на Дойла, развороченную теплицу и труп. Он что-то кричал, но Дойл расслышал его только со второго раза.

– Позовите полицию! – надрывался мужчина.

Дойл еще раз откусил от помидора, вытер сок с подбородка.

– Не надо, – сказал он. – Полиция – это я.

Глава 11

Синие огни скорой помощи исчезли в темноте, отбрасывая вокруг призрачный отсвет. Издалека, когда сирену уже не было слышно, автомобиль выглядел забавно безмятежным. Закурив, Дойл прислонился к своей машине. Происходящее вокруг казалось ему фильмом, который позабыли озвучить.

Полицейские в форме и в штатском мельтешили на улице, сбиваясь в группки, разговаривая с местными жителями, которые высыпали наружу, не желая пропустить интересное зрелище. Две полицейские машины притулились у обочины рядом с домом номер 22. Немного спустя подъехал фургон, четверых арестованных затолкали в него и увезли. «Капри» тоже утащили, привязав к полицейскому буксиру. Дойл сосал свою сигарету, наблюдая за всей этой сутолокой.

Из переулка появились два санитары, неся тело застреленного Дойлом парня. Труп был покрыт одеялом. Рядом с носилками шел долговязый, немного грузный полицейский. Проходя мимо, он угрюмо зыркнул на Дойла, который сделал последнюю затяжку и, бросив окурок, затоптал его, после чего ленивым шагом подошел к открытой дверце кареты скорой помощи, в которую втаскивали тело убитого. Протянув руку, Дойл потянул с него одеяло.

Он взглянул на бледное лицо. Глаза парня все еще были

открыты и смотрели невидящим взглядом куда-то поверх головы Дойла.

– У него нашли какие-нибудь документы? – спросил Дойл, водворяя одеяло на место.

– Почему ты убил его?

Долговязый старший инспектор Ян Остин сердито пыхтел, выпятив мощную грудь. Он был выше Дойла и смотрел на него сверху вниз, сверля глазами.

– Это так важно? – спросил Дойл.

– Да, важно, – процедил сквозь зубы Остин. – Черт возьми, он не был вооружен.

– А я и не знал.

– А если бы знал, то поступил бы по-другому?

– Нет. Я бы все равно пристрелил его.

Дойл полез в карман куртки за сигаретами, вытащил одну из пачки и закурил, бросив спичку на асфальт. Он отошел от скорой помощи, когда захлопнулись дверцы.

– Так как его звали? – спросил он.

– Гэлбрэйт. Мартин Гэлбрэйт, – устало отозвался Остин. Он шел рядом с Дойлом.

– Есть на них что-нибудь?

– Гэлбрэйт подозревался в вооруженном ограблении. Отсидел пару лет здесь в Ирландии, – ответил Остин.

Дойл кивнул и затянулся.

– Как насчет остальных? – поинтересовался он, переходя на ирландский диалект.

– Их повезли в участок на допрос, – сообщил Остин.

– Куда?

– Это не твоя забота, Дойл. Теперь ими займемся мы, – раздраженно сказал старший инспектор.

– Ничего подобного! – отрезал Дойл. – В какой они катажке? Мне надо с ними поговорить.

– Я сказал, это наше дело. Операция была проведена совместно антитеррористическим отделом и летучим отрядом. Ни к тебе, ни к твоему отделу это не имеет никакого отношения. Ваше дело было наблюдать и дать сигнал... а не палить по ним!

– Вам еще повезло, что я только одного шлепнул, – сказал на это Дойл. – Вы даже не знаете, как с ними надо обращаться, Остин.

– Полагаю, по-твоему, с ними надо обращаться именно так – стреляя в них?

– Да, именно так-растак, – рявкнул Дойл. – Ну, куда же их все-таки повезли?

– Зачем тебе это? Ты что, станешь пытаться их, чтобы выудить из них нужные тебе сведения? Понадобится официальное разрешение, чтобы тебя допустили к работе с ними.

– У меня есть разрешение, спроси у моих шефов, если не веришь. Что я, по-твоему, здесь делаю? Не знаешь? Так я тебе скажу. Я здесь потому, что никто не верил в то, что ты и твои ребята не прощелкаете их. – Дойл распахнул дверцу своей машины. – Ну а теперь, если ты не скажешь мне, куда

их повезли, я узнаю это у кого-нибудь другого, вот и все. — Он сел за руль и смотрел на Остина, опуская стекло. — И вообще, чего они тут потеряли, в этом доме двадцать два? — Он ткнул пальцем через плечо. — Так что не говори мне, что это не мое дело.

Остин яростно уставился на него, играя желваками.

— Два АК-47, три тысячи патронов к ним и еще немного «семтекса», — произнес он.

— Сколько?

— Где-то семьдесят фунтов.

Дойл закивал.

— Достаточно, чтобы соорудить с десяток бомб. Достаточно, чтобы взорвать бог знает сколько людей. — Он ядовито ухмыльнулся. — А ты тут ноешь из-за одного застреленного гада.

Дойл завел машину.

— Я еду домой, переоденусь. Увидимся позже. — Он отпустил ручной тормоз. — Просто поболтаем с нашими ирландскими друзьями. — Он подмигнул главному инспектору и отъехал от обочины, шуганув гудком двоих мужчин, которые отпрыгнули в сторону, когда он проехал, не сбавляя хода.

Остин стоял, глядя вслед Дойлу, сжимая и разжимая кулачища. «Датсун» завернул за угол.

— Ублюдок, — процедил Остин.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Его повесили три дня назад.

Тело болтается на веревке, раскачиваемое порывами ветра. Виселица скорбно потрескивает, словно исполняя похоронную песнь.

Трудно сказать, сколько ему было лет: черты лица изуродованы. Вороны сделали свое дело.

Сперва были с жадностью выклеваны глаза... Над ранами кружились мухи, откладывая яйца под кожу, и порой казалось, что части лица движутся сами по себе, как будто мертвые мышцы все еще сводит судорога. Эти личинки проедают ходы в складках кожи. Они сожрали плоть в одной глазнице, и сползшие на щеку сгустки напоминают слезы, не переставшие течь по лицу. Тело повешенного медленно поворачивается под порывами ветра, облака закрывают луну, и тогда холмы окутываются темнотой, словно непроницаемым черным плащом.

Под виселицей, равнодушно оглядывая качающийся труп, стояли два человека. Они не знали ни имени повешенного, ни того, за что он был казнен. Их это не интересовало. Оба были высокого роста, но второй из-за своей тучности казался ниже. Он держал в руках нож.

Когда луна в очередной раз скрылась за облаками, в наступившей темноте он шагнул вперед, примериваясь и отме-

тив про себя, как низко над землей болтаются ноги висельника – не больше фута до жухлой травы. Он подумал, что тот, кто набрасывал парню на шею петлю, явно не являлся большим умельцем в этом деле.

Другой мужчина стоял, вглядываясь в шею убитого, мышцы на которой застыли в дикой судороге, стянув кожу. Бедолага умер от удушья, легкая смерть при переломе шеи его миновала.

Подойдя ближе, оба скривились от зловония, издаваемого трупом. То был запах гниющей плоти, ничем не сдерживаемый, так как одежды на повешенном не было. Кривя нос, высокий покосился на его изуродованные, сморщенные гениталии.

Вороны, конечно, подумал он. Мошонка могла быть так разодрана только сильным птичьим клювом, выклевавшим яички и оставившим клочья от члена. Ноги также были повреждены, но то уже были следы укусов. Лисицы или барсуки урвали свое там, куда доставали их острые зубы. На одной ноге не хватало трех пальцев.

Наконец, мужчине надоело пялиться на труп, и он принялся за дело, подняв левую руку мертвеца и полоснув ножом по запястью. Кожа, сухая и мягкая, легко поддавалась под острым клинком. И он резал, пока не дошел до кости, улыбнувшись и услышав глухой хруст, когда лезвие начало перепиливать запястье. Наконец, отрезав кисть, он поднял ее, как трофей, и подошел ко второму мужчине, неподвиж-

но наблюдавшему за ним. Тот полез во внутренний карман и, достав оттуда маленькую деревянную коробочку, откинул крышку; когда добыча оказалась внутри, снова закрыл коробочку и сунул ее за пазуху. После этого они отошли к привязанным рядом с виселицей лошадям, вскочили в седла и усаkali прочь.

А тело повешенного с негромким скрипом продолжало раскачиваться туда-сюда, подталкиваемое порывами ветра...

Глава 12

Когда Дойл вошел в гостиную, на автоответчике загорелась зеленая лампочка. Включив свет, он нажал кнопку «запись звонков» и, пока лента перематывалась, снял куртку и бросил ее на диван.

Первый звонок.

– Это Кэрол? Позовите Кэрол... – потом щелчок и тишина. Не туда попал, приятель.

– Вот ведь!... – досадливо буркнул Дойл. Затем гудок, и второй звонок.

– Шон, это Анджела, Анджела О’Нил. Ты ведь помнишь меня? – Смешок. – Надеюсь, тебе понравилась та ночь, впрочем, как и мне...

Дойл шагнул к телефону.

– Я уверена, что давала тебе свой номер, но на всякий случай, если ты вдруг забыл, повторю. Звякни мне. Номер...

Дойл выключил автоответчик, повернулся к кассетнику и нажал на «перемотку», глядя, как закрутились колесики в кассете. Потом поставил на воспроизведение.

888

Он пошел на кухню, стягивая с плеча кобуру.

Певец орал в гостиной, пока Дойл на кухне извлекал из

холодильника бутылку молока, пил из горла, потом, достав с сушилки стакан, дунул в него и вылил остатки молока. Со стаканом он вернулся назад в комнату. Сняв пистолет с пояса, он швырнул его на диван и некоторое время стоял, уставившись на лежащие рядом кобуры с оружием. Потом отвернулся и по узкому коридору отправился на другую половину квартиры, где находились спальня и ванная комната.

Дойл попробовал рукой воду, прыснувшую из крана, и сел на табурет, снимая обувь и носки. Потом встал, бросил взгляд в зеркало. Стянул майку.

Его торс был исполосован шрамами от плеч до пупка, глубокими и мелкими, длинными и наискосок через грудь и живот. Поворачиваясь, он осмотрел свою спину, где шрамов было еще больше. Один тянулся от левой лопатки до самой поясницы.

В тот раз он чуть не погиб.

На груди другой шрам разделял мышцы надвое, и вместо правого соска в свете флюоресцентной лампы темнела небольшая ямка.

Дойл стянул джинсы и отложил в сторону.

Ноги и ягодицы тоже были иссечены шрамами, белевшими среди темных волосков. Его тело напоминало топографическую карту.

Сейчас он уже привык, но поначалу было трудно. Много раз, особенно когда он впервые увидел, сколько уже на нем следов от ран, Дойлу захотелось плакать, но не от жалости к

себе, а из-за того, что все эти шрамы значили его постепенное выбывание из строя. Он был рад, что подобная участь не постигла лицо, если не считать горизонтального шрама на лбу, идущего от угла левого глаза до виска. Да, с лицом ему везло... больше, чем с туловищем.

Дойл долго так еще стоял, разглядывая себя, в его голове роились воспоминания, все еще обжигающе свежие, несмотря на прошедшие пять лет.

Тот, за которым он тогда гонялся, был виновен в уничтожении трех человек, все политических деятелей. Он был одним из главных убийц Ирландской республиканской армии, и Дойлу понадобилось больше трех месяцев, чтобы выследить этого ублюдка. Он неделями кружил по Лондондерри и Белфасту, высматривая, вынюхивая, узнавая все, что можно было, ловя каждый намек, и, наконец, отыскал его. Макнамара. Дойл все еще не мог забыть о нем. Его нужно было взять живым, и Дойл попытался это сделать, но Макнамара уже успел понять, что его загнали в угол. В погоне они пересекли Крегган и Богсайд, но на подходе к мосту Крейгэвон Макнамара решил, что с него хватит. Он уже потерял желание удирать от этого сумасшедшего англичанина.

При нем была пара фунтов взрывчатки, предназначавшейся для какого-то дела, и Макнамара прыгнул на мосту в чью-то машину, а когда Дойл уже держал его на прицеле, он взорвал все свое добро.

Машину вместе с ирландцем разнесло на куски. Осколками убило двоих прохожих и ранило уйму людей, в том числе и Дойла.

Он до сих пор помнит, как лежал на мосту, не в силах шевельнуться, чувствуя, что его тело охвачено огнем, но сознание не потеряно. А потом он увидел рядом с собой какого-то малыша, с ужасом рассматривавшего распростертое на земле окровавленное тело. И самое забавное: шагах в двух валялась пустая пачка из-под сигарет, и Дойл почему-то прочитал надпись: «Курение вредит вашему здоровью». Ну, не так уж и сильно, подумал про себя Дойл, и это было последним, о чем он успел подумать, прежде чем вырубиться.

Очнулся он через три дня на койке (в армейском госпитале, как потом выяснилось) от такой боли, какой ему никогда уже больше не доводилось испытать.

Одно легкое было пробито осколком, который застрял в спине. Сильно пострадала левая почка, и какое-то время врачи думали, что ее придется удалить. Другой кусок железа оторвал большую часть мяса с бедра и надвое переломил берцовую кость. Восемь поломанных ребер, крошки двух потом извлекли из пробитого легкого. Дойл припоминал позже чьи-то слова, что он потерял больше тридцати пинт крови. Плюс правая лопатка, левая ключица, левая рука в локте и в предплечье – все переломы. Но лицо, не говоря о ране на лбу у самых волос и царапине на левой щеке, уцелело.

Доктор сказал, что ему повезло.

Лежа в гипсе с ног до головы и еле перенося дикую боль во всем теле, Дойл был немного ошарашен подобным диагнозом. А ну-ка, пусть из тебя вышибут весь дух, посмотрим, почувствуешь ли ты после этого себя везунчиком, подумал он, глядя на врача затуманившимися от боли глазами.

Однако, как бы то ни было, опасность миновала. Теперь все, что от него требовалось, – это выздороветь. Ведь он просто чудом выжил! Кому-то там, наверху, он по душе, сообщал Дойл, хотя из него давно вышибло подобную дурь.

Кому-то он там нравится, а? Ну, если это провернул Бог, то он должен обладать чертовским чувством юмора.

Бросив еще один взгляд на свое иссеченное шрамами тело, Дойл пошел под душ, подставляя усталые члены упругим струям.

Он не слышал, когда зазвонил телефон.

Глава 13

Это было что-то вроде медитации.

Он встал на полотенце, расстеленное на полу, и закрыл глаза. Струйки воды стекали с него по шрамам, словно горные речушки. Дойл несколько раз фыркнул и стал вытираться.

В комнате все еще играла музыка. Обмотавшись полотенцем и прихватив по пути стакан с молоком, он направился туда. С волос стекала вода, и он вытер капли, бегущие вниз по спине.

Войдя в комнату, Дойл подошел к стерео и убавил звук. Потом взял телефон и стал набирать номер. На том конце трубку подняли почти сразу, и Дойл улыбнулся, узнав голос.

– Да, кто это?

– Рон, это говорит Шон.

– Дойл, что тебе нужно? – поинтересовался Рональд Вайятт. – До меня дошли слухи, что ты премерзко вел себя. – Вайятт хмыкнул. – Старина Остин весь изошел желчью из-за того, что ты пристрелил того парня.

– Хрен с ним, – буркнул Дойл. – Меня интересует другое. Я хочу знать, куда их подевали. Остин мне ничего не сказал.

– Зачем это тебе?

– А как ты думаешь, на кой они мне сдались? Я хотел переговорить с ними. – Дойл смахнул стекающую по лбу кап-

лю.

– О чем?

– Давай, Рон, ну что такое? Сто хреновых вопросов? Просто скажи мне, куда их отвезли, – проворчал Дойл.

– Они в участке на Шефердс-Буш-роуд.

– Спасибо, – ответил Дойл, улыбнувшись.

– Да, если кто спросит, как ты их отыскал, помни...

– Понятно, мне сообщила пролетающая мимо пташка, – хмыкнул Дойл.

– Одна пташка-блондинка с большими титьками. – Вайятт разразился смехом.

Дойл немного отодвинул трубку от уха.

– Ладно, пока, Рон, – сказал он, готовясь дать отбой, когда Вайятт снова заговорил.

– Шон, что за чертовщина творится? – сказал он неожиданно серьезно. – Я имею в виду ИРА. Ты знаешь, ведь велись мирные переговоры, а все закончилось этой бойней в Стормонте. А теперь мы вдобавок имеем на руках «сем-текс», найденный уже в Лондоне...

– А когда в этом ирландском дерьме был какой-то смысл, Рон?

– Да уж, – процедил Рон.

– Я перезвоню, – сказал Дойл. На этот раз он дал отбой и положил трубку.

Ага, Шефердс-Буш! Это уже кое-что. Ближайший к месту происхождения участок. Можно было, между прочим, и

самому догадаться.

Он повернулся и, пройдя в спальню, торопливо вытерся насухо, взял из шкафа чистые джинсы и майку, торопливо натянул их и сунул ноги в ковбойские сапоги. Потом мельком взглянул на свое отражение в зеркале и вернулся в гостиную. Здесь он вынул 44-й из кобуры, вытащил магазин и отправился в кабинет мимо продолжавшего реветь магнитофона.

Дойл выдвинул ящик стола, открыл коробку с патронами, взял шесть патронов, отливавших на свету полированной медью, с восхищением посмотрел на них и принялся заряжать магазин.

Это были его гордость и радость.

Прекрасно.

Они вдвое мощнее всяких там «дум-дум». Этим штучкам не надо было ударяться о кость, они взрывались, едва попав в цель. И одного выстрела всегда хватало.

Он вставил магазин в гнездо и запихал пистолет за пояс. Надел свою кожанку, выключил магнитофон и направился к двери, подбрасывая в руке ключи от машины. В это время зазвонил телефон. Но, замешкавшись на секунду, Дойл не стал брать трубку. Автоответчик сам запишет разговор.

На третьей трели телефон замолк.

Кто-то звонил второй раз за этот вечер и еще раз не захотел оставлять сообщения на автоответчике. То, что нужно сказать Дойлу, он должен услышать сам, своими ушами.

Но теперь с этим придется подождать.

Глава 14

Бретань, Франция

Оно было отвратительно.

Чэннинг не мог уразуметь, что это, собственно, такое, но создание, изображенное на стекле, было отталкивающим. Дело было даже не в нем самом, не в его уродливости, а в той правдоподобности, с которой оно было изображено. По его предположениям, этому грязному куску оконного витража должно быть по меньшей мере лет сто пятьдесят, но все еще можно было разглядеть, с каким мастерством он был сделан. Смочив в медицинском спирте обрывок ветоши и проведя им по стеклу, Марк поразился тому, как ярко заиграли краски, оживая на свету фонаря-«молнии», по мере того как он убирал с гладкой поверхности слой грязи.

День близился к закату, нависнув над холмами, остывающее солнце заливало небо кровавым светом. Но Чэннинг ничего не замечал. Его интересовал только витраж, перед которым он согнулся в три погибели.

И это страшное лицо, проступающее все отчетливее с каждым движением тряпки, смоченной в спирте. Это неправда, подумал Чэннинг. На своем веку он повидал достаточно витражей и раскрашенных окон. Представшее его глазам творение искусства не могло быть создано богобоязненным мастером. Ни один верующий не смог бы придумать

такую дьявольскую личину.

Но кто же, кто же тогда его придумал? И кто сделал этот витраж?

Девяносто процентов его поверхности по-прежнему прятались под слоем грязи, местами настолько плотным, что его не брал даже спирт. Кэтрин должна присутствовать при очистке остальных панелей, подумал Чэннинг. И когда все окно будет освобождено от грязи, она поможет ему во всем разобраться.

Витраж был замурован в стене, словно его создатель спрятал свое творение от посторонних глаз в церкви Машекула. Да, многие не отказались бы оказаться на месте Чэннинга...

Лицо проступало все четче. Чэннинг отбросил покрывшийся многовековой грязью лоскут и оторвал еще один кусок ветоши, продолжив работу. Потом отступил назад, чтобы окинуть взглядом свою находку. Лампа замигала, и он раздраженно покосился на нее.

Лицо напоминало человеческое, но было шире, и на макушке у него... Что это, рога, что ли?

Лампа снова замигала. Чэннинг подошел поближе, пристально всматриваясь в изображение.

Большой рот раскрыт, словно в зевке, и на обеих челюстях сверкали длинные зубы. Из рта высовывался длинный толстый язык, придавая этому созданию сходство с рептилией. Но самой ошеломляющей деталью в его облике были глаза.

Когда Чэннинг поднес лампу к стеклу, они тускло замер-

цали. Оба глаза были сделаны из одинаковых кусочков красного стекла и словно полыхали в свете лампы. Должно быть, в то время, когда был собран весь витраж целиком, это впечатляло.

Чэннинг поежился, почувствовав, что волосы на затылке его вдруг словно зашевелились.

При своих скудных познаниях он все же догадывался, что витраж был создан как дар церкви, равно как своего рода наглядное пособие, которым вместо книг пользовались священники или монахи, наставляя на путь истинный невежественных крестьян. Но такие изображения обычно бывали библейского или философского содержания... Чэннинг покачал головой, глядя на существо, освобожденное из-под слоя грязи.

О чем мог рассказать этот зверь?

И что за человек придумал эдакое чудище?

Лампа снова замигала.

Чэннинг протянул руку и дотронулся до стекла, проведя кончиком указательного пальца вокруг одного красного глаза. Стекло было холодно, как лед. Он вдруг почувствовал, что его тело покрывается гусиной кожей. Он продолжал обводить пальцем овал лица, дотронувшись наконец до разверстой пасти.

Рот раскрылся еще шире. Стекло вдруг ожило, и утыканная клыками пасть задвигалась.

В этот миг Чэннинг почувствовал, что его рука скользнула

туда.

Скользнула в стекло, прямо в эти зубы.

Он в ужасе отпрянул, сердце бешено заколотилось в груди: его рука осталась там, и что-то давило на его кисть.

Стекло заволновалось, и ужасная пасть сомкнулась вокруг его руки, сдирая кожу.

Челюсти захлопнулись с громким кляцаньем, и Чэннинг наконец вырвался. Он был свободен, но кисть его осталась во рту чудовища. Он упал навзничь, заходясь криком, и откушенная рука свалилась рядом. Из обрубка хлынула кровь, забрызгав пол и закрытую – теперь закрытую – пасть чудовища.

Чэннинг уставился на свою раздробленную кисть, на торчавшие из раны обломки кости, обрывки вен и артерий, из которых хлестала кровь.

И снова закричал.

Он продолжал кричать, проснувшись и сев на кровати, разбуженный собственными воплями, весь в поту. У него дико тряслись руки. Он сжал кулаки, словно проверяя, что обе руки при нем: эхо кошмара еще не прошло.

Сон, подумал с облегчением Чэннинг, стараясь дышать как можно медленнее. Постепенно перестало колотиться сердце, прошел звон в ушах. Он лежал в своей постели на постоялом дворе, а не на полу церкви Машекула. Тут он услышал какую-то возню за дверью, осторожный стук, и кто-то испуганно спрашивал, все ли у него в порядке. Это была хо-

зайка постоянного двора, разбуженная его криком.

Чэннинг крикнул, повернувшись в сторону двери, что у него все в порядке. Он всего лишь видел плохой сон.

Всего лишь кошмар, о господи!

Наконец он снова упал на подушку, мокрую от пота, и провел обеими руками по лицу, прикрыв глаза. Кошмарные видения исчезли. Чэннинг всхлипнул, задержал дыхание на секунду и медленно выдохнул, успокаиваясь, прислушиваясь к гулким ударам своего сердца. Потом он заснул, удивляясь, что в его голове может быть еще что-то, кроме того покоя, который теперь снизошел на него...

Телефонный звонок вывел его из полузабытья.

Пока Чэннинг ворочался в постели, телефон протрещал еще раза два. Наконец Марк дотянулся до аппарата и снял трубку.

Часы на запястье показывали 2.14 ночи.

Глава 15

Лондон

Дежурный сержант полицейского участка на Шефердс-Буш-роуд не обратил внимания на шаги у стойки, продолжая тянуть чай и заполнять лежавшую перед ним на столе форму. Лишь когда посетитель демонстративно кашлянул, сержант Рэймонд Найлз наконец оторвался от своего увлекательного занятия.

Он с удивлением уставился на парня лет тридцати, одетого в кожаную куртку, майку и джинсы. Перегнувшись через стойку, Найлз увидел у него на ногах ковбойские сапоги. Ну и видок, подумал дежурный сержант, и устало промямлил:

– Я вас слушаю.

– Сегодня к вам в участок привезли кой-кого, – сказал Дойл тихо и многозначительно, словно сержант Найлз должен был испытать неслыханный восторг от такой новости. – Четверых. Ирландцев.

Найлз никак не реагировал на это сообщение, только потрогал себя за кончик носа, продолжая смотреть на Дойла.

– Ну, положим, привезли, – сказал он наконец. – Что вам нужно?

Дойл полез в карман и достал удостоверение.

– Не валяйте дурака, – рявкнул он, бросив кожаную кни-

жечку на стол перед сержантом. – Я должен их повидать.

Найлз изучал удостоверение, переводя взгляд с фотографии на Дойла, словно засомневавшись в достоверности снимка.

– Но летучая бригада уже здесь, – пробормотал он, хмурясь. – Это они привезли арестованных. Никто мне не сообщал, что отдел по терроризму имеет к этому отношение.

– Может, позабыли, – предположил Дойл, забирая удостоверение. – Ну, где они тут у вас? – нетерпеливо спросил он.

Найлз посмотрел на Дойла, потом взял трубку телефона и щелкнул кнопкой. Дойл, закулив, прислонился к перегородке, игнорируя надпись на противоположной стене: «Не курить».

Найлз переговорил с кем-то, и спустя секунду появился констебль. Он посмотрел на сержанта, потом перевел взгляд на Дойла.

– Проводите этого... джентльмена к заключенным. – Найлз еще раз смерил Дойла взглядом, прежде чем вернуться к прерванному занятию. – Оставайтесь с ним.

– В этом нет необходимости, – отрезал Дойл, кивая констеблю.

Они прошли по широкому коридору с камерами по обеим сторонам и наконец остановились у широкой железной двери. Констебль отпер ее и пропустил Дойла вперед.

– Вы из летучей бригады? – спросил он.

Дойл что-то проворчал себе под нос.

– Нет. А что?

– Просто двое или трое из них уже здесь, и я подумал, что и вы...

– Нет, – прервал его Дойл.

Констебль, замаявшись, постучал еще в одну дверь и, услышав приглашение войти, открыл и придержал ее, пропуская Дойла.

В комнате пахло табачным дымом и крепким кофе. Там находились двое людей, одного из которых Дойл сразу узнал.

– Что вы здесь делаете? – спросил старший инспектор Остин. – Я же сказал, чтобы вы не вмешивались.

Второй взглянул на Дойла и отвернулся к стеклянной перегородке, через которую можно было заглянуть во вторую комнату. Она была вдвое меньше, что-то около шести на шесть футов. Всю обстановку составляли лишь стол и два стула.

Там сидел мужчина лет сорока или сорока пяти, краснолицый, с седеющей макушкой. Грызая ноготь на большом пальце, он беспрестанно оглядывал свою камеру, будто думал, что сейчас в стене появится дырка, и он сможет удрать через нее.

– Кто такой? – спросил Дойл, наливая себе кофе.

– Зовут Шиан, – ответил Остин. – Томас Шиан, член ИРА. В конце семидесятых отсидел три года в Лонг-Келли за хранение взрывчатки.

– А другие?

– Все из ИРА.

– С ними уже говорили? – Глотая кофе, Дойл не сводил глаз с человека в камере.

– Мы всех допрашивали, – сказал сидевший рядом с Остином. – Они не хотят разговаривать, – добавил он, испытывая какое-то странное удовольствие от сообщаемого.

– Мне передали, что ваш шеф едет сюда, – сообщил Остин.

– Дональдсон? Чего ему надо? – удивился Дойл, по-прежнему глядя на арестованного.

– Того же, что и всем нам. Сведений, – ответил Остин. – Но, похоже, сейчас мы от них ничего не добьемся. Может, когда этот ублюдок просидит там еще пару часов, не имея возможности ни покурить, ни поссать, он станет более разговорчивым. – Остин и его коллега обменялись взглядами.

– Ни хрена, – сказал Дойл. – Просто на измор его не возьмешь.

– Почему бы тебе не перекинуться с ним парой слов? – поинтересовался второй полицейский не без сарказма. – Вдруг он так испугается, что все выложит. – Он засмеялся.

– Не указывай мне, что делать, говно собачье, – откликнулся Дойл, попивая кофе и не устаивая полицейского взглядом.

Тот вскочил и пошел на Дойла, который, немного отодвинувшись, дал возможность Остину сграбастать своего разъяренного приятеля.

– Прекратите! – рявкнул старший инспектор и усадил его на стул. Полицейский Гарнер злобно уставился на Дойла. – Они не будут разговаривать, Дойл, – тоскливо сказал Остин. – Ни с кем.

– А со мной поговорят, – ответил Дойл, ставя чашку на стол.

– Бесполезно. Ты только зайди туда, и тут же поднимется хай о жестокостях полиции.

– Ну и пусть, – махнул рукой Дойл. – Кто их будет слушать? – Он направился к двери, ведущей в маленькую комнату.

– Дойл, я приказываю! – закричал Остин.

– Ты не имеешь права мне приказывать. Дональдсон может, но ведь его здесь нет, не так ли? – Дойл взялся за ручку двери. – Говорю тебе, я просто хочу с ним поболтать.

– Ну, давай, раз ты такой крутой, – прошипел Гарнер.

– А ты заткнись! – рявкнул Остин, повернувшись к нему. Дойл повернул ручку.

– Ты что, возомнил себя сраным Клинтом Иствудом? – прорычал старший инспектор.

Дверь закрылась, Дойл уже был в камере.

– Ублюдок! – бросил Гарнер, наблюдая через окно, как Дойл приближается к столу, за которым сидел Шиан. – Этот выродок просто не будет с ним разговаривать... И вообще, что это он о себе воображает?

– Заткнись, Гарнер! – устало проговорил Остин. – Просто

заткнись, и все.

Они смотрели, как Дойл наконец начал работать.

Глава 16

Томас Шиан поднял голову, услышав звук открывающейся двери, и, моргая, уставился на вошедшего. Если он и был удивлен видом Дойла, то внешне никак этого не показал, разве что слегка сощурился. Он сплюнул отгрызенный кусок ногтя на пол перед Дойлом, который подошел к столу и молча поставил ногу на сиденье свободного стула.

Он стоял, не сводя глаз с Шиана.

Немного вспотел, подумал Дойл, но не от страха. Ему приходилось видеть таких, как Шиан. Крепкие ублюдки. Готовы к любым неприятностям и переделкам. Они боятся разве что возможных препятствий на своем пути, но и только.

Вот этого, например, наверняка придется заставить пересмотреть свои взгляды.

– Наверное, тебе уже в печенки въелась вся эта тягомотина, – сказал Дойл, запалив сигарету и выпуская дым в сторону ирландца. – Сидишь здесь, готовый обоссаться, и соображаешь, сколько это еще протянется. Знаешь, Томми, полагаю, они и дальше могут держать тебя здесь. Все зависит от тебя. Останешься, если захочешь, здесь еще пару часиков или дней, мне-то какое дело? Может, у тебя уйма времени, но мне вот его чертовски не хватает. Мне нужно поговорить с тобой, или, точнее, я хочу, чтобы ты поговорил со мной. Если хочешь, чтобы без проблем, прекрасно! Если нет – мне

все это безразлично. Но прежде чем уйти, я задам тебе пару вопросов.

– Милая речь, ничего не скажешь, – заметил Шиан, продолжая оглядываться и как бы вовсе не замечая Дойла. – Пошел ты на...

Губы Дойла скривила легкая усмешка. Да, неудивительно, что Остин ничего от него не добился.

– Я не отвечаю на ваши хреновые вопросы, – развязно продолжил Шиан, поглядев на Дойла. – Иди ты к черту!

– Я пойду туда только вместе с тобой, – сказал Дойл, заметив удивление ирландца при звуках родной речи. – Ну, начнем. Для чего была организована встреча?

– Пошел ты!..

Дойл снял ногу со стула и с огромной силой пнул ирландца в грудь, сбросив его на пол. Шиан тяжело ударился о стену, грохнувшись головой. В секунду Дойл оказался рядом, поднимая его за грудки и колотя о беленую стену.

– Ну, что? – взревел он, на этот раз по-английски. – Говори, ублюдок!

Он сжал горло Шиана, и тот почувствовал, что его ноги отрываются от пола. Набрав полный рот слюны, он плюнул в лицо англичанину.

Глаза Дойла яростно сверкнули, и он воткнул кулак Шиану в живот. От такого удара Шиан перестал дышать и потерял наконец контроль над своим мочевым пузырем. Когда он рухнул на пол, вокруг его ширинки по брюкам начало рас-

ползаться темное пятно.

Дойл поставил ему на грудь ногу, глядя, как моча, пропитав штанину, капает и разливается лужей по полу.

– Сыкун! – выбранился он, двигая желваками, и вонзил каблук в грудь Шиана. – Говори, жопа! – прохрипел он, чувствуя кислую вонь мочи. – Ты начал вонять, и я не желаю здесь больше оставаться. Так что говори, что за хреновину вы тут затеяли? – Он схватил Шиана и еще раз ударил об стенку.

Шиан поднял руки, пытаясь оторвать от себя мучителя, убрать со своей шеи его пальцы. Его лицо стало багровым от удушья. Он что-то хотел сказать, но из горла вырвался только полужадушенный хрип. Дойл подержал его еще секунду, потом швырнул через всю комнату. Шиан перекатился через плечо и врезался в противоположную стенку прямо под стеклянной перегородкой. Сделав два шага, Дойл снова склонился над ним. Теперь он просто всадил носок сапога ирландцу в бок, с удовлетворением заслышав глухой хруст.

Одно ребро готово, отметил он про себя.

Шиан взвыл и схватился за отбитый бок, но Дойл взял его за шиворот и поднял, глядя ему прямо в глаза.

– Ты не можешь так поступать, – взревел ирландец. – У меня есть права!

– У тебя ничего нет, – прошипел Дойл и швырнул его на стенку.

На этот раз Шиан ударился с такой силой, что разбил себе

голову сзади. Из раны потекла кровь, пачкая волосы. Дойл безучастно посмотрел на алый поток на стене, схватил Шиана и бросил на стул, ухватив за волосы на затылке, не обращая внимания на замаравшую его пальцы кровь. Он рванул голову Шиана с такой силой, что чуть не сломал ему шею.

– Почему ты не спросишь у других? – прорычал Шиан.

– Потому что они просто шестерки. Эту встречу сегодня вечером организовал ты. Ты тот, кто знает, что к чему. А теперь говори, или, клянусь Иисусом, я сверну тебе шею! – И, словно для того, чтобы усилить впечатление от сказанного, Дойл запрокинул ирландцу голову, чуть снова не свалив его со стула.

– Я не могу, – с трудом пробормотал Шиан, готовый вот-вот упасть в обморок.

– Не можешь или не будешь? – взревел Дойл и вдруг хрястнул его лбом об стол, сломав Шиану нос. Хлынула кровь, потекла по лицу, по рубашке ирландца, смешиваясь с мочой, пропитавшей его брюки.

Дойл отошел назад. Шиан скорчился на стуле, хватаясь руками за лицо, превратившееся в кровавую маску. Он с ненавистью смотрел на Дойла, но, кроме ненависти, в его глазах было еще что-то...

Может, страх, подумал Дойл.

Шиан тяжело дышал, хватая ртом воздух, держась за расквашенный нос, время от времени отводя руки от лица, чтобы взглянуть на окровавленные пальцы.

– Ублюдок! – прошипел он, не сводя глаз с Дойла. – И ты думаешь, я заговорю?

Он попытался ухмыльнуться, но получилась гримаса.

– Ничего я не думаю, – отмахнулся Дойл. – Я предлагаю тебе сделать это, пока с твоими скулами и челюстью не случилось того же, что с носом. – В его голосе не было ни раздражения, ни угрозы. Просто неизбежность.

– А что я, по-твоему, могу знать? – спросил Шиан, вытирая нос отворотом рубашки.

– Скажи мне, что затевается.

– О чем это ты толкуешь? Что значит «что затевается»? – Шиан явно издевался.

Дойл оставался спокоен.

– Не будь таким умником, Томми, – сказал он. – Два дня назад, как тебе известно, в Северной Ирландии перебили кучу политиков, двадцать три человека, включая и членов «Шинн Фейн». Никто не знает, кто их перестрелял и почему, и вот сегодня мы находим тебя и твоих дружков с кучей «семтекса», которого достаточно для того, чтобы начать настоящую, мать ее, войну. – Дойл поставил ногу на краешек стула и наклонился к Шиану. – Десять дней назад руководители ИРА заявили, что, если их представители в Стормонте о чем-то договорятся, они прекратят все действия против британской армии и перестанут здесь совершать акции против военных и гражданских лиц. – Дойл подождал, глядя на ирландца. – Ваша долбаная шайка готова была назвать день.

Никаких бомб, никакой стрельбы, ничего такого. А теперь что? В течение сорока восьми часов были убиты двадцать три человека и найден ваш склад боеприпасов. Вот... А теперь попробуй скажи мне, что ты не в курсе дел.

– Я не виноват в том, что произошло в Стормонте, – повторил Шиан, продолжая вытирать нос рубашкой.

– Ты будешь виноват в любой хреновине, в какой я захочу тебя обвинить, до тех пор, пока не сообщишь мне нужную информацию! – нетерпеливо рявкнул Дойл. – Кто стоит за этой пальбой? Кто приказал тебе собрать людей сегодня?

– О каком, мать твою, собрании ты говоришь?

– Вы раньше орудовали в одной группе. Что, опять при-
нялись за старое? – Двое мужчин некоторое время смотрели друг на друга. – Кто приказал тебе устроить совещание? Тот же малый, что организовал стрельбу в Стормонте?

– Почему вы не расспросите этих протестантов? – закричал Шиан. – Откуда вам может быть известно, что их сраная ЮВФ¹ тут ни при чем?

– Чутье подсказывает, – процедил Дойл. – А теперь еще раз спрашиваю тебя, – он сделал паузу, заводя одну руку назад за спину, – кто организовал стрельбу в Стормонте?

– Хочешь, чтобы я стал стукачом? – ощерился Шиан, хватаясь за свой нос. – Знаешь, что бы они со мной сделали за

¹ ЮВФ (Ulster Volunteer Force) – Силы волонтеров Ольстера; протестантская правоэкстремистская террористическая группировка, сформирована в Северной Ирландии в 1966 г. для вооруженной борьбы с ирландскими террористами.

это? Мешок на голову и пару пуль в башку.

– Раз ты боишься, значит, он не здесь пасется? – заметил Дойл.

– Соображаешь, – огрызнулся Шиан.

– Нет, жду, когда ты скажешь. Назови имя.

– Ни за что.

– Как хочешь.

И тогда он достал пистолет.

Глава 17

44-й казенного образца казался огромным в руке Дойла, когда он направил дуло в голову Шиана.

Старший инспектор Остин увидел оружие в руках Дойла и закричал, хотя знал, что тот не слышит его через стекло.

– Он его убьет, – тревожно сказал Гарнер. – Этот сумасшедший ублюдок убьет его.

Остин снова закричал и бросился к двери.

На этот раз Дойл зашел слишком далеко.

– Оставьте его.

Остин вздрогнул от неожиданности, услышав этот властный оклик. Он обернулся, чтобы посмотреть, кто это сказал.

Джефффри Дональдсон стоял в комнате, глядя поверх их голов на Дойла и его визави. Он увидел, как тот приставил пистолет к тому, что осталось от носа ирландца, не замечая струящейся по его лицу крови.

– Ради всего святого, он может убить парня! – запротестовал Остин.

– Может, – согласился Дональдсон, подходя к стеклу.

Гарнер уставился на него.

В свои сорок пять Дональдсон был все еще крепок. У него был высокий рост, а лицо из-за впалых щек казалось удлинненным, и даже седеющая бородка не скрадывала эти острые черты.

Дональдсон, в рубашке с расстегнутым воротом и плащом, перекинутым через плечо, глядел в стекло и рассеянно теребил бородку.

— Давно он здесь? — спросил Дональдсон.

— Минут пятнадцать, — ответил Остин. — Полагаю, мы должны радоваться, что Шиан протянул так долго. — Он перевел взгляд с Дональдсона на Гарнера и обратно. — Шиан не хотел говорить с нами, но Дойл настоял на том, чтобы попробовать самому.

— Он использует другие методы, — констатировал Дональдсон.

— То есть в основном жестокость, — огрызнулся Остин. — Вы его начальник, вот и остановите его.

Дональдсон уже четыре года руководил отделением по борьбе с терроризмом и был одним из немногих, кто настоял на том, чтобы Дойл после выздоровления вернулся к работе. Полученные раны, казалось бы, раньше времени заставят Дойла уйти в отставку, и Дональдсон еще не забыл, как навещал парня в больнице, сомневаясь в том, что тот снова будет ходить, не говоря уже о работе. Потом, когда вопреки всем предположениям медиков и сослуживцев Дойл вернулся, Дональдсон не мог не заметить, как он изменился. До больницы Дойл был рассудительным малым, но теперь ему стало наплевать на собственную безопасность. Казалось, ему также стало наплевать и на жизнь, как на собственную, так и на чужую. В нем поселилась какая-то дикая ярость.

И то, что Дональдсон видел сейчас, было лишним тому подтверждением.

– Уберите его отсюда, – потребовал Остин. – Он убьет Шиана, и тогда мы точно уже больше ничего из него не вытянем.

– В машине по пути сюда я прочитал его досье, – сказал Дональдсон. – Почему вы предполагаете, что вообще чего-нибудь от него добьетесь?

– Есть определенные процедуры, которые мы должны выполнять!.. – начал было Остин, но Дональдсон прервал его.

– Процедуры! – бросил он ядовито. – Вы имеете в виду все делать по правилам? Ну что ж, насчет людей типа Шиана существуют иные правила. Вам следовало бы знать это: Дойл играет именно по их правилам.

– Дойл вообще не играет ни по каким правилам, – рявкнул Остин. – Как, черт возьми, вы вообще ему доверяете? Он разве не из ирландской семьи?

– Это как раз то, что делает его незаменимым в работе. Он понимает ход их мыслей, их взгляды на вещи.

Дойл только что отшвырнул Шиана к стене и сунул пистолет ему под подбородок.

– Я не верю ему, – сказал Остин.

– Я никому не верю, – заявил Дональдсон, глядя прямо на него.

– Он полоумный.

– Он добивается хороших результатов.

– Постольку поскольку. Все равно он псих.

Дональдсон сухо улыбнулся.

– Вполне возможно, что вы правы, – произнес он спокойно.

Остин не нашел, что ответить. И все, что он мог сделать теперь, – это продолжать смотреть на то, как Дойл сунул ствол пистолета Шиану в рот.

Глава 18

– Ты не можешь убить меня.

В голосе Шиана появились отчаянные нотки, когда Дойл воткнул пистолет ему в щеку.

– Кто приказал в Стормонте стрелять? – спросил Дойл тихо.

– А пошел ты! – крикнул ирландец.

Дойл схватил его руку и прижал к столу, крепко сжав запястье и разведя пальцы. Движением, в котором сочетались молниеносная быстрота и дикая сила, он опустил рукоятку пистолета на кончик указательного пальца Шиана.

Ноготь разлетелся от удара, хрустнула кость. Из раздавленного пальца брызнула кровь. Истошный вопль заполнил комнату.

– Говори! – процедил Дойл сквозь сжатые зубы.

– Не могу, – упорствовал Шиан.

Дойл разбил безымянный палец.

И мизинец.

Теперь рука ирландца выглядела так, словно ее прищемили дверцей машины. При последнем ударе вместе с кровью брызнули кусочки мяса и раздробленной кости.

– Теперь у тебя только одна рука, левая, – прошипел Дойл, – ты не сможешь даже подтираться, если не ответишь мне. Кто организовал стрельбу в Стормонте?

Он в очередной раз швырнул Шиана через всю комнату, бросившись следом за ним. Падая, Шиан попытался уберечь от удара искалеченную руку.

– Хватит, – прохрипел он. У него по-прежнему шла кровь из носа.

– Тогда говори, – потребовал Дойл. Он присел на корточки рядом с ирландцем, нацелив пистолет ему в грудь. – Кто организовал эту стрельбу в Стормонте? ИРА?

Шиан судорожно втянул в себя воздух.

– Иисусе, – пробормотал он. – Если я скажу тебе...

– Это была ИРА? – взревел Дойл.

– Нет.

По лицу Дойла нельзя было понять, в какой степени он удивлен этим ответом.

– Нет, официально нет, – произнес Шиан.

Дойл схватил его за воротник окровавленной рубашки, рывком поднял на ноги и толкнул на один из стульев.

– Официально нет, – повторил он слова Шиана. – Что это должно означать? Это все-таки была ИРА или нет?

– Стреляли люди ИРА, но они действовали по собственному почину. В нарушение указов «Шинн Фейн». – Шиан посмотрел на свою руку и на то, что осталось от его пальцев.

– Говори, – стоял на своем Дойл.

– Ты был прав, в «Шинн Фейн» все были за мирное урегулирование в шести графствах. Они даже издали указ, прекращавший деятельность своих группировок, пока политики

не скажут... своего слова. Люди, стрелявшие в Стормонте, были против. Они не желают, чтобы война кончилась. Никаких мирных соглашений. Им хочется продолжать борьбу, кроме того, им нужны деньги.

– Какие деньги? – резко спросил Дойл, весь превратившись в слух.

– Действия группы, совершившей это, были оплачены частным лицом. Кто-то дал им кучу денег за операцию в Стормонте.

Дойл задумчиво подергал себя за щеку.

– Ну а ты как во всем этом замешан? Является ли тот, кто организовал стрельбу, и тот, кто приказал вам собраться, одним и тем же человеком?

Шиан кивнул.

– Мы должны были провести серию взрывов на гражданских объектах, создав напряженную ситуацию и причинив как можно больше вреда, а кроме того, распространять антиирландские настроения и срывать возобновление мирных переговоров.

– Сколько заплатили стрелкам за работу? – поинтересовался Дойл.

– Как я слышал, около миллиона, может, и больше.

– Боже! – прошептал Дойл. – Кто им заплатил?

– Этого я не знаю.

– Ты хочешь расстаться со второй рукой? – процедил Дойл. – Кто платил?

– Клянусь Богом, не знаю!

– Сколько людей было использовано в нападении?

– Этого я тоже не знаю. Все, что мне известно, – это то, что в группе было пять или шесть человек.

– Кто стоит над ними?

– Его зовут Мэгвайр, Джеймс Мэгвайр. Это все, что я знаю, клянусь.

– Я должен знать, кто заплатил им миллион фунтов и почему, – настаивал Дойл.

– Я тебе сказал, что не знаю, – повторил Шиан.

Дойл сделал шаг назад.

– Ты, дерьмо собачье! – сказал он, целясь в ирландца. – Кто им заплатил?

– Я не знаю!

– Тогда ты мне больше не нужен. – Сказав это, Дойл поднял ствол пистолета, целясь Шиану в лоб.

– Я сказал все, что знаю! – истошно заорал Шиан. – Ты не можешь убить меня!

Дойл улыбнулся.

– Вот и неправда, – сказал он и нажал на спуск.

Тут Шиан лишился сознания...

– Ты не сомневаешься в том, что он говорит правду?

Слова Джеффа Дональдсона эхом отдавались в комнате в глубине полицейского участка. Он грыз чубук трубки, пуская густые клубы дыма, поднимающиеся к потолку, где уже

неподвижно застыла густая сизо-белая пелена.

Дойл сделал глоток из своей чашки, поморщившись: кофе уже остыл.

– Он больше ничего не знает, – сказал он. – Не знает, кто нанял Мэгвайра и его предателей.

– Кому это могло бы понадобиться, черт побери? – спросил Остин.

– А кто может позволить себе такое? – прищурился Гарнер. – Еще одна террористическая организация?

– Во всяком случае, этот человек сильно заинтересован в том, чтобы в Ольстере не было мира, – предположил Дональдсон. – Может, другая страна.

– Вроде Ливии или Ирана? – удивился Дойл.

– Или покрупнее, – предположил Дональдсон, подняв брови.

– Что вы хотите этим сказать? – расширил глаза Остин.

– ИРА получает деньги и оружие в основном из-за границы, – пояснил Дональдсон. – Средний Восток, Америка, Россия. Некоторые учатся своему ремеслу там же. Нужно выяснить, – он взглянул на Дойла, – кто заплатил деньги и зачем он их заплатил. – Дональдсон поднялся со стула. – Я хочу встретиться с вами завтра в десять утра у себя в кабинете, Дойл. Мы еще раз все обсудим.

Дойл кивнул и бросил сигарету в пепельницу.

– А я? – спросил Остин. – Я имею право узнать, что происходит? Что вы затеваете?

– Дело переходит к нам, Остин, и больше не касается летучих бригад. У вас нет средств и возможностей справиться с ситуацией. Мы заберем отсюда арестованных.

С этими словами Дональдсон вышел.

Дойл тоже встал и направился к выходу.

– Тебе, может, интересно будет узнать, что Шиана повезли в больницу, – сказал ему Остин. – Ты мог убить его.

– И был бы не прочь это сделать, – обронил Дойл, задержавшись в дверях. – Может, в следующий раз.

С этими словами он тоже вышел.

ДЕЙСТВО

Их было пятеро за столом, на все лица падала тень. Огромный холл был освещен сотнями свечей, установленных в высоких канделябрах прямо на полу. От горящих свечей исходило желтоватое мерцание и едкий запах. Тонкими струйками поднимался вверх дымок каждый раз, когда дуновение ветра гасило какую-нибудь из свечей. И всякий раз ее быстро зажигал один из трех слуг, присматривающих за освещением.

Квинтет, сидевший за столом, не двигался с места, головы склонены, пальцы рук переплетены. Посреди стола в окружении свечей лежало тело ребенка. Мальчик был обнажен. Без сознания.

Зелье подействовало на него очень быстро, и теперь он ле-

жал под их взглядами, распростершись на поверхности стола.

Один из сидевших произнес какое-то слово, выведя из оцепенения своего соседа, на секунду прикрывшего глаза. И они продолжали, не двигаясь, созерцать обнаженное тело.

Снаружи завывал ветер, гуляя вокруг дома, залетая в открытые окна, гася свечи. Их зажигали снова и снова.

Мужчина, смотревший на ребенка, уловил движение справа от себя, но не поднял глаз. Он знал, что происходит. Один из его товарищей встал и теперь возвышался над столом, простерев руки над всем собранием. Он начал говорить, но его нелегко было понять – вовсе не из-за какого-нибудь дефекта речи: странные, скорее всего, бессмысленные фразы срывались с его губ.

Остальные слушали, не понимая.

Стало холодно.

Внутри.

Лежавший на столе ребенок неожиданно проснулся, возможно, от холода, но после короткого зевка опять закрыл глаза.

Холод усиливался.

Тепло покинуло не только огромное помещение, но, кажется, ушло из самих тел тех, кто сидел за тяжелым дубовым столом. Все, кроме председателя, начали поеживаться. А он поднял голову и посмотрел на говорившего, который перешел на монотонный речитатив и стал говорить все громче и

громче.

Дуновение бриза, ворвавшегося внутрь, разом погасило множество свечей. Желтые огоньки, затрепетав, пропали, словно кто-то зажал фитили невидимыми пальцами. Слуги бросились было зажигать погасшие свечи, но бормочущий человек поднял руку, останавливая их. Слуги с облегчением забились в тень.

Говоривший замолчал.

И тогда стал слышен странный рокот, который шел отовсюду. Он был везде, во всем зале, и это было похоже на внезапно начавшееся землетрясение. Один из подсвечников упал, громко лязгнув по каменному полу. Следом свалился еще один.

И еще.

И все свечи погасли, и все вокруг сковал мрак... И холод. Человек, возвышавшийся во главе стола, что-то заметил, вглядываясь во тьму. В дальнем конце зала маячила какая-то фигура, словно сотканная из тени. Она медленно приближалась к столу.

Мужчина прищурился, чтобы лучше присмотреться, и громко сглотнул, вдруг поняв, что среди них находится тот, кто откликнулся на их зов.

Глава 19

Яркие лучи солнца падали в окна служебного кабинета, золотя висящую в воздухе пыль, которую словно притягивало к свету.

На полированной поверхности письменного стола Джеффри Дональдсона, рассеянно дымившего трубкой, играли солнечные блики. Табачный дым окутывал его густым облаком и поднимался к потолку, закручиваясь вокруг огромной хрустальной люстры. Тишину комнаты нарушал только легкий скрип, когда Дональдсон поерзывал в кресле. Толстый ковер глушил шаги, поэтому он не заметил, как подошедший Том Уэстли поставил рядом высокий стакан. Дональдсон, оторвавшись от папки с бумагами, заглянул в стакан.

– Немного рановато для этого, а, Том? – сказал он, улыбаясь.

– Не хочешь, сам выпью, – ответил Уэстли, потягивая свой скотч.

Он был на пару лет старше Дональдсона и намного мощнее его по телосложению: крупный мускулистый мужчина с загорелым лицом и большими руками, державшими стакан так, будто боялся его раздавить. Он стоял у окна, глядя вниз на патио и на бассейн с фонтаном. Солнечный свет играл на воде, привлекая обитавших в бассейне рыб.

Уэстли сделал еще глоток, потом отошел от окна и плес-

нул себе содовой.

– В чем дело? – спросил Дональдсон.

– Не нравится мне это, Джефф. Все эти проблемы с ИРА, – сказал Уэсли, оборачиваясь. – Кроме того, я прочитал отчет Дойла. – Он покачал головой. – Этот... антагонизм между ним и ИРА переходит служебные границы. Он ведет себя так, словно между ними существует что-то личное.

Уэсли допил свою порцию и налил еще.

На этот раз он не стал утруждать себя добавлением содовой.

Дональдсон некоторое время изучающе смотрел на своего коллегу, пока тот не ополовинил содержимое стакана одним глотком. Он и так знал, что Уэсли крепко закладывает, но, поскольку выпивка не мешала работе, Дональдсон не считал нужным замечать это. Когда его двадцатилетняя дочь погибла в автокатастрофе, Уэсли сильно запил и до сих пор в затруднительных положениях привычно тянулся за выпивкой.

Дональдсон хмыкнул.

– Ведь страсть Дойла нам выгодна, – сказал он.

Уэсли застонал.

– Если хочешь знать, этот ублюдок просто сошел с ума. Он стал другим после того, как вышел из больницы. Все изменилось: и настрой его, и методы работы.

– Он всегда был слегка взвинченным, – сказал Дональдсон, беря свой стакан и отхлебывая виски. – Еще до несчастного случая.

– Да, но теперь эта взвинченность возросла во сто крат. По-моему, он опасен и для окружающих, и для самого себя. Некоторые считают, что он переметнулся...

Дональдсон удивленно поднял брови.

– Я имею в виду, что он из ирландской семьи, – пояснил Уэсли.

– Его семья погибла, у него никого нет. Может, это тоже повлияло.

– Не от этого ли у него непреодолимая тяга к смерти? – с таинственным видом произнес Уэсли.

Они переглянулись, потом Дональдсон наклонился и щелкнул переключателем у себя на столе.

– Впустите мистера Дойла, пожалуйста, – сказал он и откинулся назад.

Уэсли посмотрел на него долгим взглядом, потом налил себе еще.

В дверь постучали, и вошел Дойл. После обмена приветствиями он сел напротив Дональдсона, взял предложенный виски и держал стакан в руке в ожидании, когда Уэсли сядет, причем выглядело это так, словно последний непременно хотел отгородиться от Дойла своим письменным столом.

– Давайте коротко, Дойл. – Дональдсон раскрыл свою папку.

Он заглянул в нее и повернулся к нему. В папке поверх бумаг лежала фотография молодого человека лет двадцати – двадцати пяти, крепкого сложения, с копной курчавых во-

лос, вызывающим блеском в глазах.

– Джеймс Мэгвайр – ответственный за побоище в Стормонте, – сказал Дональдсон. – Именно он тот человек, которого мы ищем. Он и те, кто ему помогал.

Взглянув на фотографию, Дойл равнодушно кивнул и обвел взглядом своих шефов.

– Он не дастся живым.

– Это нам понятно, – отрезал Уэстли. – Но вы, по крайней мере, можете попытаться взять его живым.

Дойл пожал плечами.

– Я говорю только, что он не дастся живым, и если он этого так хочет... – Он не закончил фразу.

– Ты будешь работать еще с одним агентом, – пояснил Дональдсон.

– Ни за что, – вздыбился Дойл. – Я работаю один, мне никто не нужен.

– Это вам не вестерн, Дойл, – напомнил ему Уэстли, – или какой-нибудь дурацкий полицейский фильм американского производства. Вся эта фигня насчет героев-одиночек тут не пройдет. Ты будешь работать с напарником.

– Тогда найдите другого идиота для такой работы. – Дойл встал.

– Подожди, – процедил Уэстли.

– Кто будет этим моим напарником? – осведомился Дойл.

– Уиллис, – ответил Дональдсон.

Губы Дойла тронула легкая усмешка.

– Почему Уиллис?

– Потому что никто больше с тобой работать не станет, – сказал Уэсли, – и, честно говоря, я их понимаю.

Дональдсон снова щелкнул кнопкой переговорного устройства.

– Скажите, пусть войдет Уиллис, – буркнул он.

Дойл повернулся к двери, снова ухмыльнувшись.

– Вы ведь знакомы с Дойлом, не так ли? – спросил Дональдсон, когда к его письменному столу приблизился второй агент – Джорджина Уиллис.

Она кивнула.

Глава 20

Четверо сидели в кабинете, пока Дональдсон вел совещание. Дойл казался заинтересованным, в частности, новым напарником.

Джорджина Уиллис была года на три-четыре младше его. Лицо у нее было узкое, в веснушках, обрамленное светлыми длинными волосами, стекающими водопадом по спине и плечам. Джорджина то и дело проводила по ним рукой, косясь на Дойла. И каждый раз при этом Дойл смотрел в ее большие серые глаза. На ней были свитер и джинсы, и, сидя слушая Дональдсона, она закручивала шнурок вокруг указательного пальца. Джорджина была прехорошенькой, и Дойл удивлялся про себя, что, черт возьми, могло заставить ее заняться подобным делом. Может быть, еще будет время выяснить это, сказал он себе.

Может быть...

Дональдсон наконец кончил говорить и посмотрел на обоих агентов в ожидании каких-нибудь реплик. Но те просто переглянулись, потом Дойл посмотрел на часы.

— Если лекция окончена, то мне вполне достаточно услышанного, — сказал он.

— Возьмите досье на Мэгвайра, изучите его, — распорядился Уэстли. — Выудите о нем для себя как можно больше сведений.

– Это враг, – выдавил из себя Дойл. – Что еще о нем нужно выяснять? – Он встал.

Джорджина взяла одну из папок и направилась вслед за Дойлом к двери.

– Вы вылетаете в Белфаст по особому заданию завтра утром, – сказал вдогонку Дональдсон. – Как прилетите, действуйте по своему усмотрению. Что вы предпримите, чтобы отыскать Мэгвайра, – это ваша проблема. Мы ничего больше для вас сделать не можем.

– Очень мило, что вы поддержали нас в трудную минуту, – ехидно заметил Дойл и вышел.

Джорджина последовала за ним, прикрыв за собой дверь.

Уэсли выждал немного, потом с грохотом опустил кулак на стол.

– Непочтительный ублюдок! – взревел он и направился к другой двери, впуская в комнату двоих.

Оба были неряшливо одеты, обоим лет по тридцать пять. Один курил самокрутку.

Питер Тодд вынул изо рта сигарету и сплюнул с языка табачную крошку. Джордж Риверз посмотрел на папки, разбросанные по столу, задержав взгляд на фотографии Мэгвайра.

– Грязная работа, не правда ли? – сказал он, улыбаясь.

– Вы слышали, о чем здесь говорилось? – спросил Уэсли.

Оба кивнули.

– Вы последуете за Дойлом и Уиллис и станете следить за

ними, пока не будут схвачены Мэгвайр и его предатели, – распорядился Уэстли. – Потом вы убьете Дойла и Уиллис. Ясно?

Оба согласно кивнули.

Глава 21

В пабе людей было маловато. К радости Дойла, еще не наступило время ланча, когда здесь толпятся служащие из близлежащих учреждений. Он терпеть не мог толкотню, не любил, когда вокруг крутятся люди. Взяв со стойки заказ, пошел к столику, за которым сидела Джорджина Уиллис. Она поблагодарила Дойла, потом проводила его взглядом, когда он направился к музыкальному автомату, сунул в прорезь немного мелочи и выбрал музыку.

Дойл вернулся к столу и сел, и в этот момент из динамиков раздался первый ревущий аккорд гитар. Несколько посетителей раздраженно оглянулись.

Джорджина бросила взгляд на Дойла: он спокойно изучал содержимое своего стакана, делая небольшие глотки. Она рассматривала жесткие черты его лица, глаза, светящиеся под шрамом, украшавшим левую сторону лба. Дойл рассеянно провел рукой по нему и хлебнул из стакана. Когда они выходили из офиса Дональдсона, он предложил ей зайти выпить, но явно не был расположен к беседе, как заключила Джорджина Уиллис, потягивая свою порцию и водя пальцем по краешку стакана.

— Раз мы будем работать вместе, можно было бы познакомиться поближе, — заметила она наконец, устав от молчания, воцарившегося за столом, и от отсутствующего вида Дойла.

Он был где-то далеко от паба и от заказанной им самим музыки, и ограничился только медленным кивком. — О чем это я? — сказала она.

Дойл озадаченно уставился на нее.

— С тех пор, как мы вышли от Уэсли, ты и слова не сказал, — заметила она.

— Я думал кое о чем, — ответил Дойл.

— О Мэгвайре? — удивилась она.

— О Мэгвайре. О его ублюдках. О всей этой поганой работе. — Он сделал глоток. — Уэсли и Дональдсон, должно быть, просто рехнулись, если решили, будто мы способны изловить всю эту шайку.

— Думаешь, будет так трудно достать его? — спросила Уиллис.

— Найти его не проблема, но будь я проклят, если стану тратить драгоценное время, пытаясь убедить его в ужасе всего того, что он творит. — Дойл с ехидцей произнес эти слова. — Или убеждать, что в его интересах лучше сдаться. Когда придет время, я его просто убью, хотя бы потому, черт, что уж он-то наверняка попытается убить меня.

— Дональдсон и Уэсли будут от этого не в восторге.

— Тогда пускай сами найдут его и приволокут сюда. — Дойл заказал себе еще порцию скотча, на этот раз двойную. Заплатив, он вернулся обратно.

— Как мы станем действовать, когда прибудем туда? — спросила Уиллис.

Дойл пожал плечами.

– Женатая пара, – предложил он. – Парень со своей подругой. Что-то вроде этого. Мистер и миссис Среднее Число.

Она кивнула и поправила волосы, не сводя с него глаз.

– Я слышала, они хотят отправить тебя в отставку после этого задания. Почему ты сам не уйдешь?

– Куда? Сидеть в каком-нибудь доме призрения, считая шрамы и получая жалкую пенсию раз в месяц? – Он покачал головой. – Они хотят дать мне отставку потому, что им не нравится, как я работаю. Мои подходы. Когда я был ранен, они думали, что теперь-то уж появился повод выпереть меня.

– Тебе повезло, что ты выжил. Зачем же снова рисковать жизнью? И не говори мне, что это патриотизм.

– А я никогда и не говорил, что это патриотизм. Мне нравится моя работа. – Дойл посмотрел ей в глаза, удивившись, что она выдержала его взгляд. – Ну, а ты сама? Ты-то зачем этим занимаешься?

– Я прошла все этапы, – ответила она. – Слежка, переоборудования... И когда появился шанс перейти в отдел борьбы с терроризмом, я его не упустила.

– А почему?

– ИРА убила моего брата два года назад. Бомба грохнула в центре Белфаста, он помогал отвозить раненых, когда один из их снайперов застрелил его. Ему было всего двадцать.

– Значит, ты мстишь?

– Полагаю, можно сказать и так. А ты?

– Это не месть, это ненависть, – произнес Дойл. – Я должен был умереть в тот день в Лондондерри. Врачи сказали, что, учитывая количество полученных мною ран, я просто не имел права выжить. – Он посмотрел в свой стакан, словно в поисках следующей фразы. – С тех пор я живу в долг. Важно лишь то, сколько я успел прожить до того дня. Вот почему я живу одним днем. Я мог бы умереть сегодня утром, ну и что с того? Дальше завтрашнего дня все равно ничего нет.

– Я вижу, с тобой придется нелегко, – усмехнулась Уиллис.

– Тогда откажись. И вообще, чего ты напросилась?

– Ведь никто больше не стал бы с тобой работать.

– А тебе-то что?

– Я понимаю, каково тебе.

– Из-за того, что случилось с твоим братом? – Дойл покачал головой. – Никто не знает, Джорджи, каково мне. Я и не жду этого. И не хочу, чтобы они пытались узнать. – Он постучал пальцем по голове. – То, что здесь происходит, касается одного только меня, и все.

Уиллис сделала глоток, глядя на него поверх стакана.

– Значит, договорились, – сказала она наконец.

– О чем это ты? – спросил он озадаченно.

– Найдем Мэгвайра и убьем его.

Дойл улыбнулся, и впервые на его лице появилось такое выражение... что-то теплое, понятное.

Это выражение исчезло так же быстро, как и возникло.
– За здоровье. – Он поднял свой стакан.

Они вышли из паба и на углу разошлись в разные стороны:
Дойл – к Гайд-парку, Джорджи – в сторону Грин-парка.

Было 12:36 дня.

Мужчина, развалившийся за рулем «гранаты», отметил время. Он сидел в машине с тех самых пор, как они вошли в паб.

Наблюдал.

Выжидал.

Часть вторая

Мы родились в мире отчуждения.
Р.Д. Лэинг

Вечность! Как ты сладка, страшная мысль.
Дж.>Addисон

Глава 22

Бретань, Франция

Мотоциклист вилял из стороны в сторону, взбираясь на холм. Кэтрин Робертс сбавила скорость, выжидая, когда он уйдет в сторону, и промчалась мимо, бросив на него взгляд: парень был готов свалиться со своего мотоцикла.

Неудивительно, при такой жаре... От зноя, пышущего в открытые окна, «пежо» превратился в передвижную теплицу. Кэтрин Робертс провела рукой по лбу, злясь из-за того, что невозможно было опустить застрявшее стекло левой дверцы. Воздух, врывавшийся через другие окна, был сух и горяч. Кэтрин неуклюже поерзала, чувствуя выступивший пот на спине и ногах. Она ехала босая, и педали нагревали незащищенную кожу подошв.

Кэтрин взяла машину напрокат в аэропорту час тому на-

зад, как только сошла с самолета. Теперь ее поездка близилась к концу. Дорожные указатели сокращали расстояние до деревни Машекул, подобно знакам обратного отсчета.

На заднем сиденье машины лежал маленький чемоданчик с минимумом одежды и необходимых вещей. Кэтрин не знала, сколько пробудет во Франции. Ей еще даже не было известно, зачем, собственно, она приехала и что ее ожидает.

Телефонный разговор с Чэннингом только все запутал. Звонок был неожиданным после нескольких месяцев, с тех пор, когда она его в последний раз видела. Кэтрин не понимала, что заставило ее согласиться приехать. Любопытство? А может, ей захотелось снова повидаться с Чэннингом? Она покачала головой, отвечая на свой немой вопрос. Нет, не это. То, что было между ними, уже в прошлом, умерло и похоронено, и ей в первую очередь не хотелось бы все начинать сначала. Ее поездка – просто результат профессионального интереса. Таков был ответ, достаточно четкий, чтобы удовлетворить ее.

Хотя в машине стояла жара, впереди, над холмами, окружавшими Машекул, клубились облака. Похоже, собирался дождь. Погода должна перемениться. Кэтрин надеялась, что это случится прямо сейчас, и она спасется от этого пекла.

Ее волосы были стянуты на затылке немного туже, чем следовало бы. В тридцать четыре года лицо Кэтрин Робертс было гладко, но морщины у рта и глаз все же не походили на те, что остаются как следы частых улыбок.

Кэтрин миновала указатель, возвещавший, что до деревни оставалось всего три мили. Что хотел ей показать Чэннинг, снова подумала она. Что такого необыкновенного он здесь нашел?

Дорога пошла под уклон: уже стали видны деревенские крыши, когда она проехала поворот. Холмы остались позади, пологий склон перешел в долину, подходя к деревне. Большинство строений были расположены в самой долине, другие карабкались по близлежащим склонам, словно закинутые туда капризом человека, который их строил.

Два ребенка, игравшие на обочине, удивленно посмотрели на проезжавшую машину. Один из них махал рукой, и Кэтрин, улыбнувшись, помахала в ответ. Интересно, все ли местные так дружелюбны, подумала она.

Медленно проехав по центру деревни, она осмотрела рыночную площадь в поисках постоянного двора, где жил Чэннинг и где ее уже ждала комната. Наконец она обнаружила маленькую гостиницу и припарковалась, с радостью выбравшись из раскаленного нутра машины, навевавшего мысли о печке. Кэтрин взяла чемоданчик и вошла в маленький холл, где царила восхитительная прохлада и пахло свежесорванными цветами. Пухлая хозяйка заведения радушно приветствовала ее, и Кэтрин ответила, насколько ей это позволило знание французского.

Она спросила мистера Чэннинга.

Его нет, отвечала женщина, ведя новую постоялицу в ее

комнату. Войдя, Кэтрин еще раз поблагодарила толстуху, закрыла дверь и устремилась в ванную. Раздевшись, она смыла с себя пыль и грязь, облепившую ее за время перелета и адской поездки в раскаленном «пежо». Она быстро вытерла волосы, завернулась в полотенце и отправилась в комнату, где приступила к распаковке чемодана.

Она едва успела натянуть чистую блузку и юбку, когда постучали в дверь. Кэтрин открыла.

Марк Чэннинг улыбался, глядя на нее. Он вошел в комнату и, притянув ее к себе, поцеловал в щеку. Это был поцелуй старого приятеля, но не бывшего любовника.

Он справился, как она доехала, сказал, что хорошо выглядит. Обычная болтовня, подумала Кэт. Непринужденная беседа. Она удивилась тому, как ужасно он выглядит.

Чэннинг был бледен, его глаза под набрякшими веками покраснели. Он не брился несколько дней.

– Как ты себя чувствуешь? – Кэт была поражена его видом.

Он улыбнулся, но получилась скорее гримаса.

– Я не выспался, – сказал он, и улыбка увяла при воспоминании о ночных кошмарах.

– Ну, ты собираешься что-то мне объяснять? – спросила Кэтрин. – Скажи, зачем ты заставил меня тащиться сюда?

Она улыбнулась, но не получила ответа на свой вопрос. Чэннинг уже был у дверей.

– Марк, – позвала она удивленно. – Ну, что ты там нашел?

У него дернулся кадык.

– Проще тебе все показать. Пошли.

Глава 23

Графство Корк, Ирландская республика

Несчастье случилось меньше десяти минут назад.

Глядя на обломки, Каллахан мог только предположить, как все это произошло. Дорога, которая вела из его поместья в соседнюю деревню Гленгэр, была узкой, с обеих сторон отгороженной от полей высоким бордюром и деревьями. На ней могли разминуться только две легковые машины или проехать в одну сторону грузовик и легковая.

Огромная «скания» развернулась поперек шоссе, снеся около двадцати ярдов ограждения. Она столкнулась со встречной машиной, похоже, эта была «сьерра», но сейчас находилась в таком состоянии, что невозможно было точно определить ее марку. Выглядела так, будто попала под гигантский пресс. Не видно никаких пассажиров. Единственным признаком, указывающим на то, что в машине находились люди, была кровь на дороге.

Каллахан вернулся и сел за руль «мерседеса», глядя в окно на последствия катастрофы. Лора ерзала в машине, ее юбка сбилась почти к поясу. Кроме юбки, на ней ничего не было, и сейчас, глядя на искореженные обломки, она чувствовала что-то теплое между ног. Она подалась вперед, чтобы лучше было видно, и, затаив дыхание, смотрела на пятна крови.

Мужчина из полицейской машины подошел к кабине грузовика и заглянул внутрь. Окно было разбито, паукообразный пучок трещин разбегался там, где голова водителя ударилась о ветровое стекло. Кабина была залита кровью, поблескивавшей на разбросанных осколках. Полицейский открыл дверь со стороны водителя и просунул голову внутрь. Из головы мужчины, раскинувшегося на сиденье, текла красная струйка, заливая ему лицо. Его глаза были закрыты, очевидно, он зажмурил их во время катастрофы.

Лора снова задвигалась, обеспокоенная влагой между ног. Она бросила быстрый взгляд на мужа, улыбнувшись, и провела рукой по ляжке, удивившись еще больше.

Припаркованный на обочине «мерседес» был скрыт от людей на дороге ограждением, но сами Каллаханы прекрасно видели все, что там творилось.

Грохот был услышан одним из садовников, работавших в поле рядом со стеной, окружающей поместье. Он тут же сообщил об этом Каллахану, и тот с женой приехал на место происшествия.

И не зря.

Они опередили даже карету скорой помощи и пожарных. – Интересно, сколько было людей в машине? – спокойно спросила Лора, скользя одной рукой вверх по ляжкам, проводя пальцами по кучерявящимся волосам в паху.

Сколько бы их там ни было, немного осталось, подумал Каллахан.

– Интересно, водитель грузовика умер? – вздохнула Лора, медленно пробуя языком влагу с кончика указательного пальца. Она смотрела на полицейского, который шел назад к своей машине, разговаривая по передатчику. Он оставлял за собой кровавые следы – наступил ногой в кровь.

Вдалеке послышалась сирена.

Карета скорой помощи едет из деревни, сообразил Каллахан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.